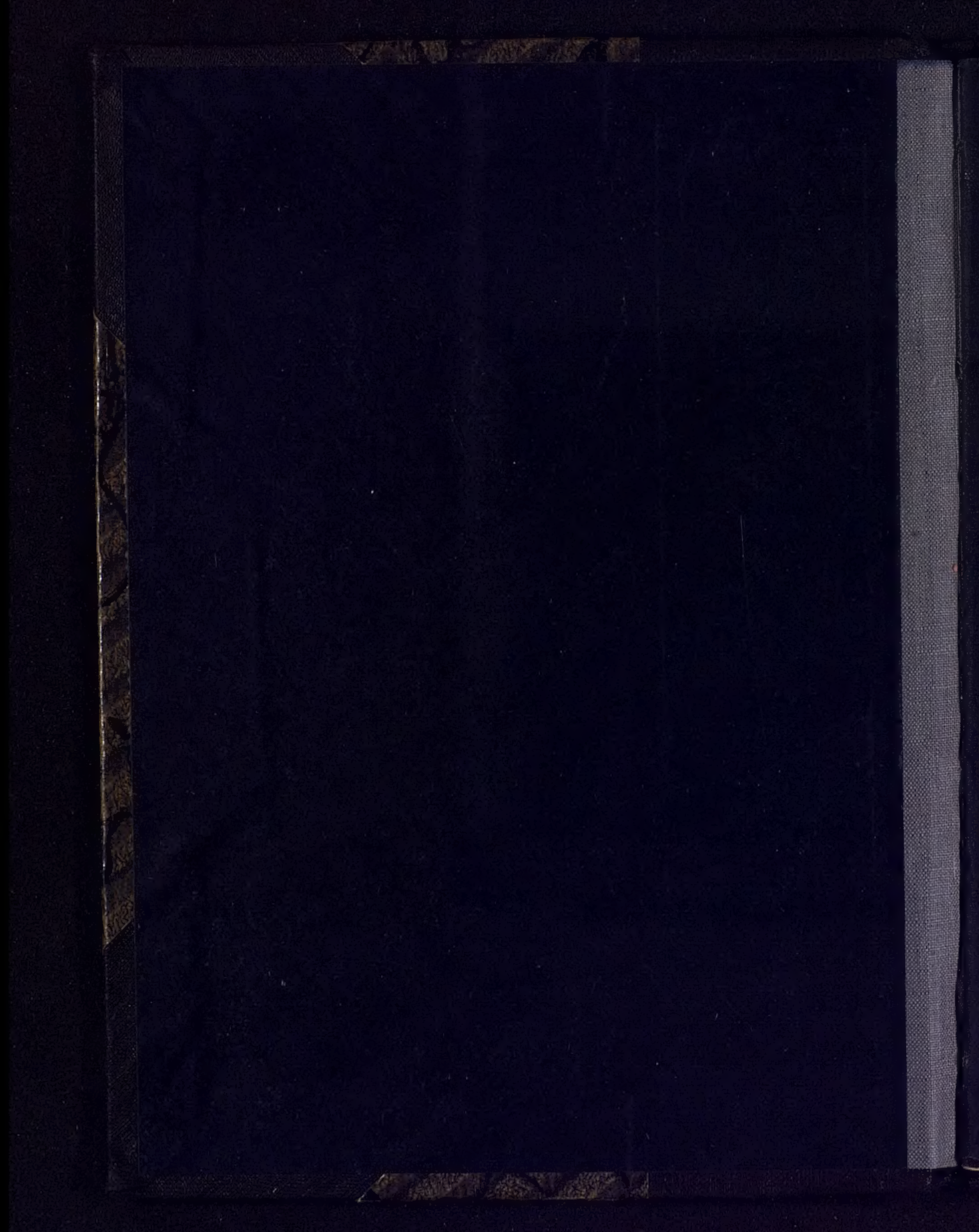
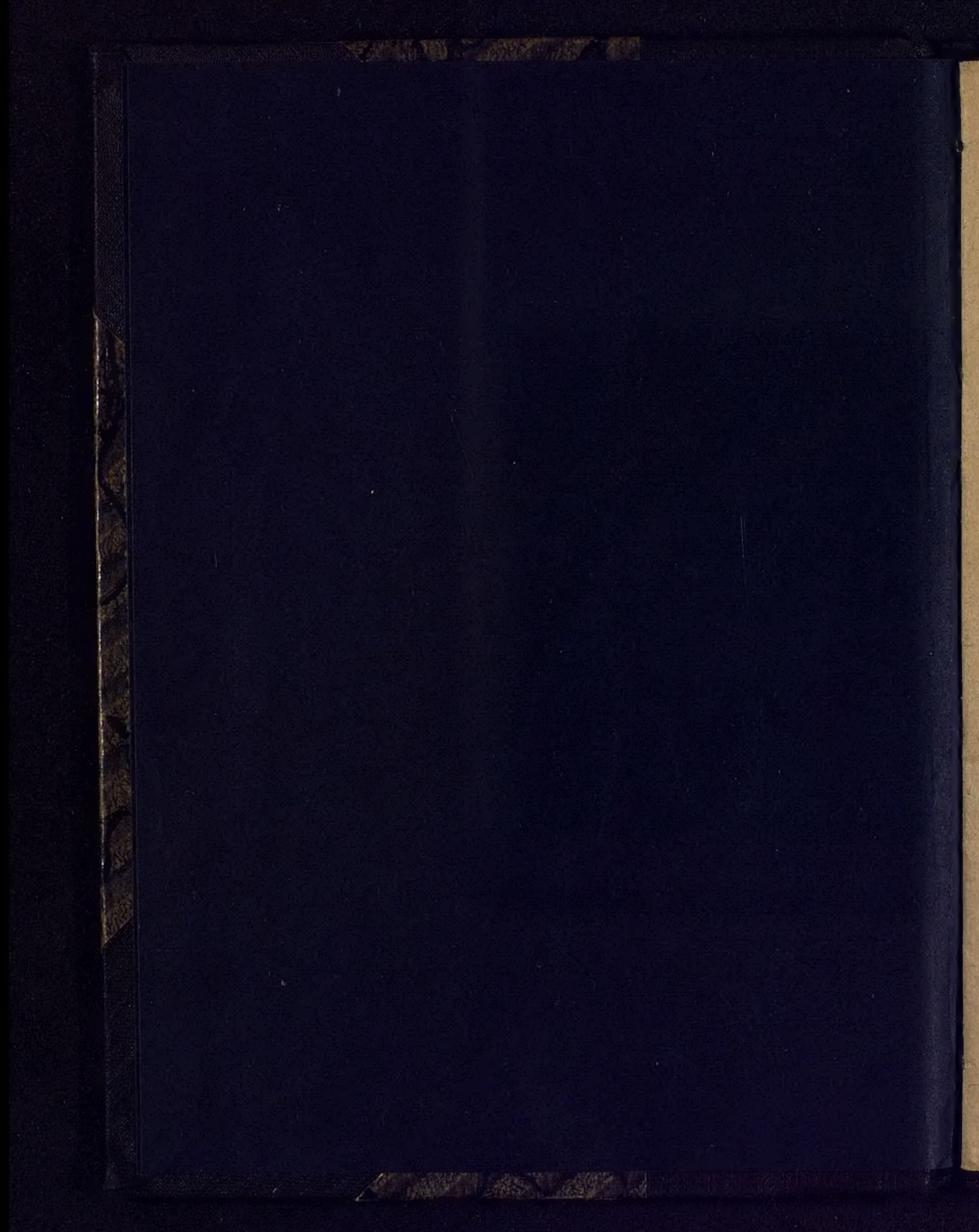
Зиновьев

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

Г. ЗИНОВЬЕВ

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

НАШИ ЗАДАЧИ
ГОСУДАРСТВО И ПАРТИЯ
ДОКЛАД О ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВЕ
НА XI СЪЕЗДЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ПЕТРОГРАД
1923

Г. ЗИНОВЬЕВ

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

НАШИ ЗАДАЧИ
ГОСУДАРСТВО И ПАРТИЯ
ДОКЛАД О ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВЕ
НА XI СЪЕЗДЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4413.

Отпеч. 10.000 экз.

НАШИ ЗАДАЧИ.

I.

> ...Что такое новая экономическая политика большевиков—эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы...
>
> Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежно. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет?
>
> *(Н. Ленин).*

Слова тов. Ленина нельзя не напомнить теперь, когда мы приближаемся к XII съезду РКП и когда наша партия должна вновь подъитожить кусок пути, пройденный за год.

Чья возьмет? Этот вопрос—из тех вопросов, которые в окончательном виде решаются *не* в течение одного или двух лет. Хорошо посмеется тот, кто посмеется последний—так могут сказать обе стороны: и мы, коммунисты, уверенные в том, что мы идем через НЭП к полной победе *социализма*, и наши враги и «друго-враги» (сменовеховцы), которых отделяет от нас то маленькое разногласие, что по их предвидениям мы идем через НЭП к полной победе *капитализма*.

*

За год этот вопрос не решается. Он решается лет за десять. Но *направление*, в котором *намечается* его разрешение, определяется как раз теперь. И в этом смысле истекший год имеет немаловажное значение.

О, сменовеховцы вовсе и не хотят уничтожения диктатуры пролетариата.

«Дело идет не об упразднении диктатуры пролетариата, а о перестройке ее в трудовую, рабоче-крестьянскую правовую государственность, в которой политическое и экономическое преобладание должно быть полностью сохранено за организованным трудом»,—так писал недавно сменовеховец С. Лукьянов.

Нет уж, господа сменовеховцы, с вашего позволения, мы, старомодные марксисты, не станем менять не только «вехи», но и терминологию. Давайте, по крайней мере, еще на один десяток лет—по совокупности условий международной обстановки едва ли можно будет обойтись меньшим сроком—оставим диктатуру пролетариата. А уж после победы и упрочения Советской власти, по крайней мере, в 2—3 решающих, ныне капиталистических, странах, мы подиспутируем с вами о более «мягкой» формуле «преобладания организованного труда».

«Что это? Перерождение диктатуры в ее прежнем понимании или возрождение демократизма в новых, более действительных и жизненных формах?»

Этот вопрос ставит Лежнев в выходящем в Москве журнале «Россия», представляющем значительный интерес, хотя еще и не окончательно определившем свою политическую физиономию.

И отвечает:

«*Думаю, что то и другое вместе и зараз*».

«... Мы познаем случай, когда под колючей покрышкой диктатуры расправляет члены и выравнивается демократизм, подлинный, реальный—без «увен-

чания» и правовых фасадов... Воля безликого и пассивного большинства стала суверенной для ударного, активного меньшинства».

Кто до сих пор считал, что «ударное активное меньшинство» имеет какие-то самодовлеющие интересы, отличные от интересов действительного большинства трудящихся, тот просто-напросто не понимал сущности диктатуры пролетариата. Тому, конечно, приходится теперь протирать глаза и открывать такие Америки, как то, что «мы присутствуем при рождении нового демократизма, неказистого на вид, но крепко сколоченного», или что «подпочва нового социально-политического завета слагается из сочетания, из синтеза двух воззрений: диктатуры и народоправия». (Лежнев, «Россия», № 4)...

Каков же действительный смысл эпохи? Что же в самом деле означает НЭП—«эволюцию», т.-е. социальное перерождение пролетарской диктатуры, или «тактику», т.-е. крупнейший стратегический маневр рабочего класса первой победоносной революционной страны, ожидающего подхода международных резервов и смыкающего ряды с собственным крестьянством? Последнее решающее слово по этому вопросу история скажет, примерно, лет через десять. Но все же не надо быть чрезмерным оптимистом, чтобы уже сейчас сказать: весьма серьезные симптомы говорят за то, что указанная альтернатива разрешается в *нашу* пользу, т.-е. в пользу международного коммунизма.

В самом деле, присмотримся, как расценили НЭП рабочие массы.

На одном «предвидении» сходились все наши противники при первых же проявлениях НЭП'а: все они пророчили, что НЭП, быть может, и оживит торговые сношения, кое-где поднимет производство, но зато уж наверняка еще больше ухудшит положение

рабочего класса. Рост богатства и роскоши для ничтожного меньшинства—на одном полюсе, рост нищеты и озлобления против советского режима—на другом полюсе. В эту схему укладывался весь «анализ» НЭП'а, который давали меньшевики, эс-эры и прочие наши благожелатели.

Еще совсем недавно в одной анонимной платформе, в которой меньшевистские взгляды преподносятся под мнимо-«левой» маской, мы читали, что «новая экономическая политика... усилит внутреннюю дезорганизацию рабочего класса», что «перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, раскрепощение товарного оборота увеличили заражение рабочих психологией товаро-производителей».

Короче говоря, нам предсказывали и предсказывают, что НЭП отвратит от нашей партии рабочие массы и что отсюда проистечет «крестьянский уклон», а затем и «перерождение».

Что же сказал нам на этот счет истекший год? Для ответа на этот вопрос год, лежащий между XI и XII съездами нашей партии, дает материал немаловажный. Наша партия не только не теряет симпатии рабочих масс, напротив, мы имеем полное право сказать, что в течение последнего года *наша партия как бы во второй раз завоевала самые широкие слои пролетариата*. НЭП не ухудшил, а улучшил материальное положение рабочих. Заработная плата значительно поднялась. Нет ни одной отрасли промышленности, в которой наш рабочий не живет теперь много лучше, чем это было год тому назад. Страна расправляет затекшие члены. У каждого из нас такое чувство, что мы живем в *выздоравливающей* стране. Каждый рядовой рабочий сознает, что худшее *уже было*, что миновала не только уже гражданская война, но проходят и голод и эпидемии. Хлебный вопрос, вопрос о пайке не является более самой жгу-

чей темой в рабочих кварталах. Кто из нас мог думать год тому назад, что цена нашего хлеба на внутреннем рынке будет 70 коп. за пуд, что одной из важнейших экономических проблем станет вопрос о вывозе русского хлеба за границу?

Сельское хозяйство оживает. Крупная промышленность начинает оттаивать. Правильные методы хозяйствования в нынешнюю переходную полосу, по крайней мере, в самых общих чертах, вчерне—найдены. Это сознает каждый рабочий.

На этой основе партия вновь, во второй раз, завоевала массы. Политический интерес в широких массах проснулся вновь. Массы обогатились драгоценнейшим опытом революции. Они видят, что наша партия была права, что она одна указывала верную дорогу. Симпатии к нашей партии теперь местами прочнее, чем они были даже в 1917 году. Даже те слои рабочих, которые колебались в 1920—21 г.г., когда трудности борьбы достигли своего кульминационного пункта, даже те слои крестьянских и полукрестьянских масс, которые в 1920—21 г.г. настраивались враждебно к Советской власти и ставили под вопрос, имели ли мы в то время большинство среди трудящихся,—даже все эти слои теперь медленно, но неуклонно убеждаются в нашей правоте и, быть может, впервые за все 5 лет революции безоглядно переходят на нашу сторону.

Страна выздоравливает. Хозяйство медленно, но верно начинает восстанавливаться. Жизнь рабочих масс тоже очень медленно, мучительно медленно, но все же несомненно улучшается.

Дорого заплачено за все это? Да, это так. Да, 4 года гражданской войны, после почти 4 лет империалистической войны, стоили недешево нашей стране. Да, революция потребовала громадных жертв. Но все события на международной арене, начиная с лю-

бой крупной экономической стачки, являющейся небольшим звеном в цепи повсеместного наступления капитала, и кончая Рурскими событиями, как бы нарочно созданы для того, чтобы иллюстрировать нашему русскому рабочему тот факт, что все же наш путь, путь гражданской войны и пролетарской диктатуры, в конце концов оказался самым дешевым, самым экономным и самым верным.

Наша партия во второй раз завоевала массы. Любое заводское собрание в Петрограде и в Москве, да, пожалуй, и в любом рабочем центре по всей стране, докажет это какому угодно пессимисту.

Самые глубинные слои пролетариата, как никогда, почувствовали внутреннюю правоту нашей партии. Любые выборы доказывают это. Любая массовая кампания, начиная от маевки 1922 года, продолжая процессом эс-эров и кончая празднованием пятилетия Красной армии, убеждает в этом непоколебимо [1]). Авторитет профсоюзов, руководимых нашей партией, вырос за этот год необычайно. Положение коммунистической ячейки на фабрике и заводе нельзя сравнить с тем, каким оно было два года и даже год тому назад. Нет больше—«мы и они». Взаимоотношения между партийными рабочими и беспартийными улучшилось в небывалой степени. Коммунист вновь получил

---

[1]) Чего стоит следующее маленькое, но в высшей степени поучительное явление.

В связи с приближающимся 25-летием партии на ряде петроградских заводов, среди самой гущи беспартийных рабочих, по их собственной инициативе, возникло следующее движение: отчисляют часовой заработок, делают специальные сборы в мастерских (и с громадным успехом) для поднесения знамен Коммунистической партии в день юбилея. Это движение увлекло уже десятки заводов. Кто знает политическую чуткость питерского рабочего, тот не усомнится, что это—симптом, имеющий громадное значение.

прежний авторитет среди беспартийной массы. При выборах беспартийная масса *сама* подыскивает коммунистического кандидата.

Когда нашу партию упрекают в том, что у нее появилось «стремление рассматривать *сохранение власти, как самоцель»;* когда нашей партии предъявляют требование *«уничтожить монополию коммунистов на ответственные места»,* лишить партбилет значения «патента»; когда нам проповедуют, что «необходимо открыть действительный, широкий, беспрепятственный доступ беспартийным вообще, *беспартийным интеллигентам* и квалифицированным работникам в частности, на все советские должности, в том числе и на выборные» (главные лозунги упомянутой анонимной платформы, подносящей меньшевистские идеи под «левым» флагом)—наша партия может спокойно ответить на всю эту ликвидаторскую мудрость указанием на выше обрисованное настроение масс. Ибо вся мудрость, изложенная в приведенных «лозунгах», означает не что иное, как *проповедь ликвидации диктатуры партии* и, тем самым, диктатуры пролетариата. Ибо после 5 лет революции, после тех мощных иллюстраций, которые дал нам ход гражданской войны в России, только подголоски Каутского не поймут, что диктатура пролетариата невозможна без диктатуры партии, что диктатура партии есть только проявление, функция диктатуры класса.

Действительно здоровое взаимоотношение между партией и беспартийными выковано пятью годами революции. Масса беспартийных рабочих—да и лучших интеллигентов—чувствуют это. Партия, разумеется, никогда не откажется улучшить и в этой области многое. Но она только посмеется над мнимо-«левыми» потугами, которые на деле сводятся к ликвидаторству.

На XII съезде будут подробно обсуждаться вопросы о нашей государственной промышленности, о сельском хозяйстве (последний в связи с пунктом порядка дня—о налоговой политике в деревне). Вот два вопроса всех вопросов. Хозяйственные проблемы,—вот где действительно решается «чья возьмет?» Сумеем ли мы сохранить и поднять государственную промышленность в городах и дать дешевый товар деревне? Сумеем ли, с другой стороны, помочь деревне поднять свое хозяйство и получить средства, дабы иметь возможность пользоваться в своем хозяйстве и в своем быту продуктами городской промышленности? Все предварительные стадии этого вопроса, кажется, уже пройдены. *Да* или *нет?* Мы подходим к окончательному разрешению этого вопроса.

На предыдущем съезде нашей партии тов. Ленин говорил не просто о смычке с крестьянством, как это часто неправильно цитируют. Он говорил о смычке с *крестьянской экономикой*. Это не совсем одно и тоже. В Красной армии, состоявшей из 5 миллионов человек с громадным преобладанием крестьянства, мы имели недурную смычку пролетариата с крестьянством. Но это не была еще смычка государственной *городской промышленности с крестьянской экономикой*. А нам нужно именно это последнее. И этого мы добьемся. Подготовительная работа пленума ЦК в этой области и те единодушные решения, которые он предлагает партийному съезду, дают, мы уверены, все гарантии в том, что съезд примет правильные решения в этих вопросах, являющихся вопросами жизни и смерти для всей страны.

Неменьшую важность получает национальный вопрос, который вновь привлекает внимание партии. Большевизм создал целую школу в национальном вопросе. Когда, задолго до революции, как и после октября, большевизм с небывалой силой выдвинул

лозунг—право угнетенных наций на самоопределение, *вплоть до отделения,*—противники вопили, что этот лозунг означает распад России. Не было недостатка и в искренних революционерах, не понявших значения этого лозунга. А большевизм шел и в национальном вопросе своей дорогой и доказал на деле, что только такой беспощадно последовательной, до конца пролетарской, постановкой вопроса можно добиться доверия со стороны десятков миллионов людей, принадлежащих к национальностям, прежде угнетавшимся великорусским царизмом и великорусской «демократией». Гигантский опыт 4 лет невиданной гражданской войны, всколыхнувшей до дна многомиллионные народные массы, доказал с непререкаемой ясностью правоту большевизма в национальном вопросе. Можно смело сказать, что поражения Деникина, Колчака, Юденича, как и еще раньше поражения Гучкова, Милюкова и Керенского, в доброй доле объяснялись их великодержавным шовинизмом в национальном вопросе.

На новом этапе революции, когда мы входим в органическую полосу государственного строительства, большевизм вновь и вновь, верный своим взглядам, испытанным в огне революции, сделает все возможное, чтобы в зародыше уничтожить какие бы то ни было «уклоны» в национальном вопросе и чтобы упрочить незыблемую связь с народными массами всех национальностей в рамках единого советского союза—связь, основанную на полном братском доверии и понимании.

Народные массы—с нами. Рабочие относятся теперь к партии с таким же доверием, как относились в 1917 году. В среде крестьянства Советская власть становится бытом. Среди широких слоев учащейся молодежи произошел перелом в нашу пользу. Мы завоевали массы во второй раз. И это, во всяком случае, не потому, что пролетарская диктатура якобы

перерождается в сторону буржуазной демократии. Мы завоевали их потому, что пролетарская диктатура прочно закрепилась на основных позициях и вместе с самыми широкими трудовыми массами пошла по пути пролетарского реализма, означающего смычку социалистической промышленности города с крестьянской экономикой деревни.

Работы непочатый край. Новая полоса в истории нашей революции—хозяйственная — только еще начинается. Надежды врагов на «эволюцию» и «перерождение» не оправдаются. Бесспорным руководителем страны и в эту полосу революции осталась и останется наша партия.

II.

> **Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем сила; они боялись говорить о своих слабостях; а мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости.**
>
> *(Н. Ленин).*

Присмотримся поближе к внутреннему состоянию партии накануне XII съезда. Прежде всего, необходимо твердо помнить, что партия это не Петроград, не Москва, не Иваново-Вознесенск. Слишком часто мы ловим себя на том, что мы *мало знаем* партию и склонны судить об ее внутреннем состоянии, в первую голову, по тем нескольким наиболее крупным рабочим центрам, которые наиболее знакомы всем нам. Первостепенная роль этих важнейших рабочих центров и крупнейших наших партийных организаций в этих центрах вне сомнения, но все же они еще не вся партия.

Следующие цифры, полученные в результате всероссийской партийной переписи и дополняемые некоторыми другими данными, дают представление о том, какой застает нашу партию ее XII съезд.

Партия насчитывает 32.000 ячеек (цифры всюду округлены), из них лишь 14.000 ячеек в городах. Партия насчитывает 410.000 членов, из них 260.000 в городах. Число кандидатов в партию 117.000, из них 50.000 в городах. (Данных о РКСМ мы не приводим, хотя эта организация имеет, разумеется, громадное значение для будущего нашей партии). В каждой тысяче членов РКП насчитывается 444 рабочих, 267 крестьян, 222 служащих и 67 лиц с неустановленной профессией. Процент рабочих членов партии несколько повысился, примерно с 41 до 44. Складывая число рабочих с числом служащих и прочих с *низшим образованием и неграмотных*, наша партийная статистика получает всего пролетарских элементов около 67 проц. Но этот прием едва ли правилен. Гораздо лучше не подкрашивать правду. Для партии будет выгоднее преувеличить опасность, чем недооценить ее.

Из 400.000 членов партии только 10.000 являются членами ее до 1917 года. Это—основной слой, старая гвардия, цемент, скрепляющий партию. Членов партии, вошедших в нее в 1917 году, насчитывается 35.000. Главная же масса нынешних членов партии вошла в нее в 1917 г. (108.000) и в 1920 году (122.000). Итак, всего 10.000 «стариков». В то же время в партии числится выходцев из других партий (эс-эры, меньшевики, анархисты и пр., и т. п.), 23.000 членов. В одной Москве число выходцев из других партий 3.097, в Петрограде—1.169.

Из общего числа рабочих-коммунистов непосредственно в производстве занята только сравнительно небольшая часть. К январю 1922 года даже в Петрограде процент рабочих-коммунистов, занятых непосредственно у станка, равнялся только 11,6, в Москве—8,9. Правда, с тех пор положение несравненно улучшилось. Демобилизация армии, начавшееся

возрождение промышленности и общее улучшение условий труда привели к станкам гораздо больший процент коммунистов. Так, по последним сведениям в Нарвско-Петергофском—наиболее пролетарском районе петроградской организации,—число рабочих, занятых непосредственно у станков, к январю 1923 г. равнялось 34 проц., в Иваново-Вознесенске оно равнялось 40 проц. и т. д.

Громадная часть рабочих-коммунистов занята в государственном аппарате. И это, разумеется, неизбежно в стране, где рабочий класс управляет государством. То, что мы наблюдаем в России сейчас, есть в известном смысле воспроизводство сословия профессиональных революционеров, о котором говорил тов. Ленин в «Что делать?». Тысячи и тысячи лучших рабочих, воспитанных партией и управляющих сейчас хозяйством и всем государством, объективно выполняют роль профессиональных революционеров. И надо только пожелать, чтобы партии удалось не допустить бюрократизма и других извращений в эту среду и уничтожить эти извращения, поскольку они уже стали фактом.

Особенно важно проанализировать социальный состав *кандидатов* в члены РКП. Кандидаты это те, кто ждут своей очереди у дверей партии; кандидаты это та группа, которая не сегодня-завтра вольется новой волной в РКП. По данным всероссийской переписи 112.774 кандидата разбиваются на следующие категории: кандидатов фабрично-заводских ячеек—6.932, транспортных ячеек—4.294, крестьянских ячеек—51.763, военных ячеек—27.728, советских ячеек—13.881, прочих—8.176. Итак, главную массу кандидатов, по данным всероссийской переписи, составляли *не* рабочие, а крестьяне и военные. Даже по московской организации (см. «Известия Ц. К.», № 3 от 12 декабря 1922 года) $2^1/_2$ тысячи кандидатов

разбивались по типам ячеек на: рабочих—17,4 проц., советских—23,6 проц., военных—26,4 проц., учебных—28,7 проц., транспортных—3,9 проц.

Правда, в больших организациях, как Московская и Петроградская, кроме кандидатов, имеется большая цифра так называемых «индивидуалов», т.-е. беспартийных рабочих, которые подвергаются индивидуальной пропаганде, прошли школы политграмоты при ячейках и т. д. В Москве число «индивидуалов» равняется приблизительно 6.000, и для систематической связи с ними организаций выделены 1.840 человек. Посещения беспартийными рабочими партийных собраний принимают все более регулярный и массовый характер. Напр., в Петрограде, в наиболее рабочем Московско-Нарвском районе за пять месяцев, с сентября 1922 года по январь 1923 года, на собраниях коллективов перебывало:

	Чл. РКП.	Беспарт.	Итого.
За IX, X, XI, XII, I —	49.783	25.610	61.950
	59%	41%	100%

Это явление становится повсеместным. Связь беспартийных рабочих с нашими партийными организациями растет во всевозможных формах...

Таковы основные цифры, позволяющие нам хотя бы приблизительно судить о социальном составе нашей партии. Разумеется, наша партийная статистика не слишком точна. Многие записаны крестьянами, а являются в то же самое время рабочими, и наоборот. Нельзя к приведенным цифрам подходить слишком упрощенно, и следует всегда помнить, что данныя о социальном составе еще далеко не разрешают всех вопросов, а являются лишь одним из важнейших элементов при анализе внутрипартийного положения.

Крестьяне, входящие в нашу партию,—в особенности те из них, которые остались в партии после введения НЭП'а, отобраны путем довольно строгого

отбора. Кроме партийной чистки, мы пережили в последний год полосу *самочистки*, когда уходили многие, которым оказалось не по дороге с нашей партией. Если из большой скирды мякины заботливой рукой собирать зернышко за зернышком, отбрасывая хилые зерна, то можно набрать не одну пригоршню вполне здоровых зерен. Значительная часть крестьян-коммунистов принята в нашу партию именно по этому методу.

Процент *рабочих*-членов партии постепенно увеличивается. Но все же ни в коем случае нельзя признать вполне хорошим нынешний социальный состав партии. В последнем счете одной из важнейших гарантий того, что партия не свернет с ее исторического пути, является ведь все же социальный состав партии. Именно в эпоху НЭП'а, когда обстановка, несомненно, благоприятствует перерождению отдельных клеточек партии, мы должны с особенной тщательностью следить за социальным составом ее. В ближайшие 2—3 года мы должны во что бы то ни стало добиться большого абсолютного преобладания членов партии *рабочих*. Партия стоит у власти. Естественно, что в течение еще нескольких лет в партию неизбежно будут стараться проникать чуждые пролетариату элементы. При таком положении вещей особенно большую важность получает регулирование состава партии при помощи крупных организационных мер маневренного характера. Нам придется, вероятнее всего, каждый год на наших партийных съездах вырабатывать крупные меры такого регулирования. Из данных, приведенных выше, совершенно ясно, что на XII съезде нам придется провести двоякого рода постановление:

1) задержать вступление в партию, по крайней мере, еще на один год, той части кандидатов, которая не принадлежит к числу промышленных рабочих;

2) наметить ряд мер для *облегчения* вступления в партию *исключительно* промышленных рабочих примерно из числа так называемых «индивидуалов», постоянных посетителей партийных ячеек, из числа прошедших школу политграмоты при ячейках и т. д.

За последние два года накопился целый слой рабочих, который *хочет* войти в нашу партию и который *нужен* нам. Это именно те тысячи и тысячи рабочих, которые теперь стали убежденнейшими нашими сторонниками. Принадлежность к партии таким рабочим никаких привилегий не дает и лишь возлагает новые обязанности. Именно для этого слоя нам нужно сделать некоторое облегчение по сравнению с теми крайне строгими условиями приема, которые установил XI съезд.

* * *

Все еще недостаточно пролетарский социальный состав партии—вот одна из опасностей нынешнего времени. Но этим не исчерпываются те трудности, которые стоят на пути партии в период НЭП'а.

Возьмем, например, вопрос о роли «хозяйственников»-коммунистов. Нет никакого сомнения в том, что в нынешнюю новую—хозяйственную—полосу революции роль того крыла партии, которое называется хозяйственниками, колоссальна и во многих отношениях прямо решающа. От их работы, от их желания учиться хозяйствовать зависит успех всего дела. Им, работникам трестов, директорам фабрик и заводов, кооператорам, «красным торговцам»,—одним словом «хозяевам», партия доверила важнейшее дело нынешнего дня; от их энергии, стойкости, прозорливости зависит, не больше и не меньше, как судьба промышленности и смычка этой последней с крестьянской экономикой. Вполне естественно, что успешное выполнение этой великой задачи возможно только при полной

всесторонней поддержке партией этого важнейшего отряда работников.

Но вместе с тем нельзя закрывать глаза на то, что именно это крыло партии (хозяйственники) по условиям своей работы сейчас наиболее выдвинуто в сторону буржуазного характера: это крыло вынуждено больше соприкасаться с буржуазией, с буржуазными торговцами—одним словом, с буржуазной стороной НЭП'а. Забывать этого ни в коем случае нельзя. Кассандры не правы, когда они предсказывают нам, что, учась торговать, многие наши коммунисты-хозяйственники разучатся быть коммунистами. Это было бы так, *если бы* у нас не было партии или если бы эта партия не осуществляла свою диктатуру. Но опасность все же есть, и закрывать на нее глаза недопустимо. Кассандры не правы, когда предсказывают нам, что между коммунистом—работником трестов, получающим сравнительно высокое жалованье, и рядовым коммунистом, семья которого умирает от голода на Волге, неизбежен разрыв. Опять-таки это было бы так, *если бы* не было партии, которая при помощи целой системы мер старается свести неравенство к минимуму. Но опасность *есть*, и не видеть ее невозможно.

План реорганизации центральных органов партийного и государственного контроля, предложенный тов. Лениным в его известной статье о Рабкрине, принадлежит к числу тех больших идей тов. Ленина, которые вначале кажутся неожиданными, и лишь затем размах их становится ясным всей партии. Кроме того значения, которое план, предложенный тов. Лениным, получит для улучшения всего государственного аппарата—т.-е. для разрешения поистине важнейшего вопроса нынешней эпохи—план этот, сдается нам, одной своей стороной отвечает также на вышепоставленную проблему. ЦКК, как ее предлагает тов.

Ленин, при должной постановке дела, кроме всего другого, сможет и должна будет практически разрешить те трудности, которые вытекают из вышеочередного положения хозяйственников. Партия не может и не хочет *заменить* государственные и хозяйственные органы; она придает величайшее значение строгому разделению труда, как его установил XI съезд партии; но *руководить* государственными и хозяйственными органами она *должна* во что бы то ни стало. А чтобы руководить не на словах, а на деле, нужно прежде всего иметь возможность проверять, контролировать, сменять и назначать. А для этой цели как нельзя лучше будет приспособлена реорганизованная и широко поставленная ЦКК. Партия не может теперь заниматься только агитацией и пропагандой. Ее задачи, как целого, во много, много раз больше, чем задачи ее агитотдела.

* * *

Одной из важнейших задач, значение которой мы все еще не дооцениваем, является *усиление партийно-воспитательной работы*. Никто не станет отрицать того, что в течение года, между XI и XII съездами партии, кое-что в этой области удалось сделать: рабфаки, коммунистические университеты, улучшение некоторых отраслей работы РКСМ. Но надо твердо помнить, что все, что сделано, есть только робкое начало, капля в море. Работа РКСМ, через который постепенно будут вливаться в партию волна за волной новые слои рабочих, имеет поистине первостепенное значение. Учащаяся молодежь начинает поворачивать в сторону пролетарской революции. В этом отношении лед тронулся. Университеты приобретают значение важнейших культурных очагов. Мы не всегда отдаем себе отчет в том, что в шуме событий последних лет на наших глазах подрастает

и уже оформляется новое поколение, от которого будет зависеть в высшей степени многое. Рядовой член партии впервые попадает в такие условия, когда может сколько-нибудь позаботиться о пополнении своих знаний. Отношение к газете (см. кампанию подписки), к книжке, к марксистскому кружку, к лекции становится совсем другим, чем оно было раньше. Задача поднятия культурного уровня *всей массы членов партии* есть такая же важная задача, как задача поднятия государственной промышленности. Успех партийно-воспитательной работы станет одним из важнейших факторов, противоборствующих перерождению партии и преодолевающих опасности НЭП'а. Каждый член партии должен действительно *понимать* задачи коммунизма. Только тогда мы посмеемся над так называемыми гримасами НЭП'а. В ином случае опасность того, что он посмеется над нами, отнюдь не исключена.

Добиться того, чтобы каждый член партии понял НЭП, познал его отрицательные стороны, представил себе НЭП во всем значении крупного стратегического маневра,—это уже половина победы. А нечего греха таить,—такого понимания НЭП'а далеко еще нет среди всей массы членов партии.

* * *

И последнее по важности, но не по счету: связь с рабочими коммунистами тех стран, где они являются не партией, стоящей у государственной власти, а партией революционной оппозиции. Таковы пока, увы, все страны, кроме нашей.

Было бы излишним доказывать, что в нашей партии живо чувство интернациональной связи со всеми отрядами революционных рабочих, борющихся против международной буржуазии. Ведь наша партия бесспорно является одной из первых партий Коминтерна.

Однако, эту связь нужно сделать еще более тесной, *еще более повседневной*. РКП считала и считает за величайшую честь и счастье помогать, чем может, отдельным отрядам интернациональных рабочих-коммунистов. Но все эти отряды, взятые вместе, крепнущие год за годом, многим могут и должны, в свою очередь, помочь нашей партии, первой партии, пришедшей к власти и защищающей коммунизм в обстановке НЭП'а. В переживаемое время борьба рабочих интернационализируется, как никогда. Любой из крупных вопросов внешней и даже внутренней политики нашей Советской Республики ближайшим образом затрагивает интересы интернациональных коммунистических отрядов рабочих всех стран. И, наоборот. Пройдет еще год-другой и всем нам станет до очевидности ясно, что почти каждый крупный шаг политики Советской Республики неразрывно связан с практическими повседневными интересами рабочих-коммунистов главнейших стран Европы...

* * *

Подводим итог. Период НЭП'а—трудный переходный период. Опасности существуют. О них громко говорил нам на XI съезде партии тов. Ленин. Скрывать их наша партия не будет.

Очередные задачи партии:

1. Систематически улучшать социальный состав партии и, как зеницу ока, беречь наши организации от загрязнения их мелкобуржуазными попутчиками.

2. Всем авторитетом и всем аппаратом партии стоять за хозяйственниками-коммунистами, выдвигая на хозяйственную работу лучших наших людей. И в то же время рядом мер оберегать хозяйственное крыло партии от опасностей перерождения, которыми грозит ему буржуазная сторона НЭП'а.

3. В десять, во сто раз больше сил и внимания партийно-воспитательной работе и просвещению рядовых членов партии.

4. Еще более тесная, еще более повседневная связь с рабочими-коммунистами всех других стран.

ГОСУДАРСТВО И ПАРТИЯ.

...Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежат наиболее глубокие корни нашей диктатуры.

(*Н. Ленин.* Статья от 23 января 1923 г.).

...Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела?

(*Н. Ленин.* Статья от 2 марта 1923 г.).

Рабочий класс России недавно праздновал 25 лет существования своей партии. За эти 25 лет партия наша прошла гигантский путь — от маленьких, плохо связанных друг с другом пропагандистских рабочих кружков до гигантской централизованной всероссийской партии, которая руководит нашей страной. Старейшие работники партии прошли не менее длинный путь от «профессионального революционера» до «государственного деятеля», управляющего той или другой громадной отраслью государственной работы, хозяйства и т. п.

Партия и государство. До октября 1917 года это звучало, разумеется, совсем иначе, нежели это

звучит теперь. «Маленькая» разница заключается в том, что до 1917 г. отношение нашей партии к государству было отношением непримиримых врагов, между тем как сейчас партия стала главной силой, главным руководителем и строителем государства. *До* 1917 года задача партии заключалась в том, чтобы подтачивать, разрушать ненавистный государственный аппарат царизма и буржуазии, превратившийся в железные клещи для рабочего класса. *После 1917* года эта задача заключается в том, чтобы на развалинах старого построить новый действительно социалистический государственный аппарат, способный обеспечить рабочему классу наиболее быстрое и безболезненное выполнение его исторической миссии.

И в странах самой хваленой буржуазной демократии диктатура фактически принадлежит определенной партии—партии буржуазии. Этому нисколько не противоречит тот факт, что в той или другой буржуазно-демократической стране иногда происходит борьба между целым рядом «демократических» партий. Как ни много шуму и возни поднимается вокруг этой борьбы, на деле различные буржуазные партии являются не чем иным, как фракциями одной большой буржуазной партии—партии собственников и рабовладельцев.

В странах пресловутой демократии буржуазным партиям приходится всячески скрывать от народа тот факт, что действительная диктатура осуществляется партией (или партиями). Буржуазия, привилегированные классы везде заинтересованы в том, чтобы система общественных отношений буржуазного режима являлась в глазах народных масс в возможно более запутанном, непроницаемом виде. Народ, плебс, черная кость должны верить, что правит «страна», «демократия», а отнюдь не буржуазная партия.

Другое дело рабочее государство. Рабочий класс, ставший у власти, неизбежно поручает руководство пролетарской диктатурой, ее проведение в жизнь своему авангарду, т.-е. коммунистической партии. Диктатура пролетарской партии есть выражение диктатуры пролетариата. Дабы видеть, человек нуждается в том, чтобы иметь глаза; дабы работать, человеку нужны руки; дабы господствовать, дабы осуществлять свою диктатуру, рабочий класс нуждается в том, чтобы иметь свою коммунистическую партию. Одна из причин—не последняя по важности—гибели парижских коммунаров заключалась в том, что французские рабочие не имели тогда сплоченной коммунистической партии.

Уже накануне самой Октябрьской революции тов. Ленин в его известной брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть»? ставил вопрос ребром: кто будет *управлять Россией на завтра, после победы подготовлявшегося восстания?* И он отвечал: управлять будет коммунистическая партия, выдвинутая рабочим классом. Если, — говорил он, — Россией раньше управляло 130 тысяч помещиков, ею и подавно сумеют управлять 250 тысяч коммунистов (партия наша имела тогда в своих рядах только $^1/_4$ миллиона членов), опирающихся на беззаветную поддержку и сочувствие рабочего класса и подавляющего большинства крестьянства.

«Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков; управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

«И Россией будто бы не смогут управлять (нотабене: *управлять. Г. З.)* 240.000 членов партии больше-

виков, управлять в интересах бедных и против богатых!» [1]).

Эти слова тов. Ленина имеют, на наш взгляд, не только исторический интерес. Может быть, именно сейчас, как никогда еще за 5 лет революции, эти слова облекаются в плоть и кровь.

Каждая политическая партия, верящая в свои силы и в свою программу, стремится к политической власти. Та партия, которая боится стать у власти, не заслуживает названия настоящей партии. В этом отношении коммунистическая партия не отличается от других партий... Да и она стремится получить власть в свои руки, ибо она глубочайше уверена, что только ее программа обеспечивает действительное освобождение рабочего класса и уничтожение эксплоатации человека человеком. Но диктатура коммунистической партии радикально отличается от диктатуры всех других партий. Коммунисты, в силу самого характера своей партии, не только не имеют никаких оснований отстранять от непосредственного участия во власти широкие слои трудящихся, не принадлежащих формально к компартии, но заинтересованы прямо в обратном. Коммунистическая партия, ударный отряд всего рабочего класса, видит свое историческое назначение как раз в том, чтобы поднимать слой за слоем широчайшие пролетарские массы и приобщать их к государственному строительству. Ведь *сущность* коммунистической партии в том и состоит, чтобы поднять и воспитать к социализму все новое поколение пролетарской молодежи, всю рабочую массу, в том числе и громадное большинство беспартийных рабочих, и перевоспитать те группы непролетарского населения, которые, после решающей победы

---

[1]) «Удержат ли большевики госуд. власть?» Собр. соч. В. И., т. XIV, стр. 236.

пролетариата, способны пойти за ним. В этом смысле тов. Ленин и говорил в упомянутой брошюре о необходимости научить «каждую кухарку» управлять государством.

Наша коммунистическая партия, проводящая в жизнь диктатуру пролетариата в течение 5 лет существования Советской власти, при крайне трудной обстановке, худо ли, хорошо ли, выполняет именно эту задачу. Она старается и будет стараться приобщить к делу государственного и, в частности, хозяйственного строительства все более широкие круги беспартийных рабочих и лучшую часть крестьян.

Но, вместе с тем, дело руководства советской страной остается и должно остаться в руках выдвинутой великой революцией коммунистической партии—на ряд лет, пока победа пролетарской революции не будет, по крайней мере, в основном, реализована в *международном* масштабе.

В первый, военный, период нашей революции взаимоотношение партии и государства было совсем простое и ясное. Восстание организовала *партия*. Армию строила *партия*. Из продовольственного кризиса выручала *партия*. Борьбу с разрухой железнодорожного транспорта брала на себя *партия*. Преодоление топливного кризиса взваливала на себя *партия*, и т. д., и т. п.

Как напомнил на-днях один пожилой беспартийный рабочий на одном петроградском собрании, чествовавшем партию: на всех фронтах,—сказал он,— первой была коммунистическая партия. «Совестно сказать,—даже на вшивом фронте коммунистам пришлось быть первыми».

В этот первый период революции, когда многим Советская власть казалась еще химерой, и лишь немногие верили в ее прочность, к участию во власти и к непосредственному управлению страной далеко не

было той тяги, какую можно наблюдать сейчас. Диктатура партии в этот период считалась чем-то само собою разумеющимся. Партия организовала восстание, партия победила в этом восстании, партия взяла на себя всю ответственность за дальнейшее. Партия первая поплатится своей головой в случае поражения,—так пусть же она, пока может, сама и управляет Россией.

Ныне мы вошли в новый период революции, в период строительный, в период хозяйственный. Что Советская власть прочна и незыблема, это видят теперь все или почти все. Участие во власти, непосредственное участие в управлении страной рассматривается теперь уже не только как связанное с громадным риском эфемерного участия, но расценивается уже совсем иначе: как реальное соучастие в управлении громадной страной. В этом отношении происходит коренная переоценка ценностей. Политически дальнозоркое крыло «советской» буржуазии—сменовеховское ее крыло—уже довольно определенно выдвигает вопрос о «смягчении» формы диктатуры. Пусть государство будет государством, а партия—партией. Воздадимте кесарево кесареви. Пусть партия, имеющая—о, на словах признать это совсем не дорого!—большие заслуги перед революцией, пользуется своей долей влияния, но пусть она не претендует на «монопольное» управление страной. Пусть она поймет необходимость генеральной размежевки, разделения труда между нею и Советской властью. Пусть Советы, наконец, эмансипируются от партии. Управлять страной должна-де широкая «трудовая», «советская»,—если кому особенно нравится этот последний термин—демократия. Сама нынешняя власть должна радикально измениться, переродиться—из пролетарской в мелкобуржуазную. Постепенно, под влиянием обстановки переродится и сама партия: она «европеизи-

руется», и с божьей помощью станет благоприличной трудовицкой партией с туманной «социалистической» фразеологией. А пока-что—пусть партия занимается своей агитацией и пропагандой и не претендует на монопольное политическое руководство Россией.

Это «течение» есть интереснейшее знамение времени. Это—то политически новое, что вытекло из коренной перегруппировки классов, происшедшей за последние 5 лет. Это—важнейший политический вопрос современности. И если настоящую проблему взять в далекой исторической перспективе, это—наибольшая опасность для Советской власти и для нашей партии.

Всего опаснее, если такие более или менее сменовеховские взгляды станут просачиваться в ряды самой нашей партии. В нынешний переходный, полный трудности и противоречий, период НЭП'а это могло бы стать прямо роковым. Вот почему такому ходу идей или даже только малейшему, слабому намеку на такой ход идей следует дать самый решительный отпор. А нет никакого сомнения в том, что за последнее время эта бацилла носится в воздухе.

Хаос в нашем государственном аппарате еще очень велик. Аппарат этот еще весьма и весьма неустойчив, социально-разнороден. В нем, местами весьма прочно, угнездились после революции меньшевистские элементы. Из него не были в достаточной степени выкурены элементы открыто буржуазные. Все мы видим и чувствуем на каждом шагу эту пестроту, этот хаос. И, в то же время, мы чувствуем, что сами не научились еще как следует управлять государственным и, в частности, хозяйственным аппаратом. Многое не клеится. Не облеклась еще в плоть и кровь идея необходимости личной ответственности за порученное дело. Нет достаточной специализации. Нет еще строгого и точного разграничения функций

и разделения труда между партией и государственными органами. Бюрократизм заедает всякое живое дело. Улучшение в этой области происходит лишь медленным, почти незаметным для невооруженного глаза, темпом. И вот при виде всех этих трудностей и неудач иные из наших товарищей, страстно желая поскорее добиться точного разделения труда, специализации, правильной ответственности, преодоления кустарничества, установления порядка,—приходят к тому выводу, что единственное средство добиться всего этого заключается в том, чтобы в самом деле несколько отдалить партию и ее организации от непосредственного руководства государственным и, в частности, хозяйственным аппаратом Республики. Расширительно толкуются известные решения XI съезда нашей партии о необходимости более точного разграничения между советской и партийной работой. То, что в глазах XI съезда было простой попыткой установить лучшее разделение труда, ныне, в глазах иных товарищей, превращается в универсальное средство. А иные (смотри анонимную платформу, о которой мы говорили в статьях «Наши задачи», и которая, повидимому, очень хорошо известна, например, тов. Осинскому) прямо попадаются на удочку сменовеховской «ревизии» большевизма и находятся на волоске от того, чтобы совершить уже не организационную, а чудовищную *политическую* ошибку. Еще один шаг—и они могут стать, сами того не замечая, прямыми проводниками буржуазных влияний на пролетариат.

Замечательно то, что как раз в то время, когда широкие круги беспартийных рабочих изменяют свое отношение к нашей партии в лучшую сторону, некоторые товарищи честью просят партию посторониться от руководства государственными и хозяйственными органами. В самом деле, в чем заключается смысл

того громадного поворота среди беспартийных рабочих в пользу нашей партии, который все мы наблюдаем сейчас по всей России? Да как раз в том, что эти широкие круги беспартийных, до сих пор не понимавших роль того авангарда, каким является наша партия, теперь на жизненном опыте нескольких великих лет убедились, что только организованный авангард пролетариата, т.-е. компартия, и способен проводить диктатуру класса.

Как раз те наиболее отсталые, косные и скептически настроенные слои беспартийных рабочих масс, которые до 1922 г. относились особенно недоверчиво к Советской власти и компартии, теперь переживают своего рода советскую «весну». Они увидели, поняли и уверовали в нашу правду. Аналогичный процесс, более медленный, но верный, намечается и в крестьянстве. Крестьянин еще больший скептик и реалист. Он экзаменует нас еще «серьезнее», он судит о нас теперь по нашим хозяйственным способностям. Но если мы в ближайшие годы сумеем ему доказать,— а на это есть надежда,—что руководимый нашей партией рабочий класс *умеет* поднять хозяйство и создать дешево стоющий и не-бюрократический государственный аппарат, тогда лед скептицизма окончательно растает и здесь. И пролетарская диктатура закрепится окончательно на такой широкой базе, о которой мечтал т. Ленин в 1917 году, когда он говорил, что «к управлению государством в *таком* духе (революционная связь с массами и пр.) мы сможем *сразу* привлечь государственный аппарат миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, невиданный ни в одном капиталистическом государстве [1])».

---

[1]) «Удержат ли большевики государственную власть?» Собр. соч. В. И., том XIV, стр. 238.

Нечего и говорить, что наметившийся уже сейчас поворот в широких массах беспартийных имеет глубокое значение политического симптома. Что же сказать о тех наших товарищах, которые как раз в настоящее время проделают обратную эволюцию?

Мы вошли в *хозяйственный* период революции. В этот период *партийное* руководство хозяйственным и обще-государственным аппаратом еще более необходимо и, главное, более осуществимо, чем в первый период революции. Строить армию—это было для нашей партии дело совершенно непривычное. В этой области у нас не было и не могло быть опыта. Руководящий командный состав (офицеры) неизбежно должен был быть привлечен на первых порах почти исключительно из среды старых специалистов, а коммунисты могли взять на себя только роль комиссаров. В области хозяйственной дело все же обстоит несколько выгоднее для нашей партии. Разумеется, и в этой области у партии далеко нет необходимого количества руководителей, обладающих всеми качествами для того, чтобы играть руководящую командную роль в деле восстановления хозяйства. Разумеется, и в этой области нам приходится прибегать к помощи старых спецов. Проблема привлечения спецов к нашему хозяйству, думается, давным-давно взвешена и разрешена всей партией в положительном смысле. Тов. Красин стучится в открытую дверь, когда в своей статье («Контроль или производство») он преподносит нам идею привлечения к делу хозяйства лучших из спецов и установления товарищеских отношений с ними, как нечто новое. Мы, конечно, готовы учиться организации хозяйства у буржуазии и буржуазных спецов. В этом отношении тов. Ленин был тысячу раз прав, когда он бичевал тех «левых» или просто беззаботных товарищей,

которые на этот счет выражали сомнение [1]. Но все же нет сомнения в том, что проводить просто знак равенства между делом организации Красной армии и делом восстановления промышленности и хозяйства невозможно. Партия наша родилась в рабочих кварталах. Партия наша насчитывает ныне сотни тысяч рабочих, среди которых, по крайней мере, десятки тысяч являлись и являются прекрасными квалифицированными специалистами и, по крайней мере, сотни и тысячи рабочих имеют хозяйственное дарование и размах. Разумеется, не сразу, а только в течение ряда лет мы удовлетворительно укомплектуем командный состав наших хозяйственных и промышленных органов. Но, все же, в этой области мы далеко уж не так беспомощны, как это было в свое время в деле укомплектования командного состава Красной армии.

Партия в целом, нет сомнения, сейчас еще не имеет достаточно хозяйственного опыта, но наша задача в том и состоит: добиться, чтобы хозяйственный опыт партии возрастал вместе с ростом самого хозяйства. Если отстранить или даже только несколько удалить— ради организационной «симметрии» и т. д.—партию

---

[1] Напрасно только тов. Осинский, в его недавней статье, которую разобрал т. Каменев, притворяется, будто он не понимает, в чем разница между ним, Осинским, и более чем хорошо известной ему анонимной платформой, с одной стороны, и т. Лениным — с другой, требовавшим, чтобы мы учились хозяйствовать и у буржуазных спецов. Разница между тов. Лениным и вами, тов. Осинский, заключается в том, что для тов. Ленина — диктатура партии есть нечто само собою разумеющееся, есть conditio sine qua non, есть предпосылка всех предпосылок. Партии, управляющей государством, т. Ленин советует учиться и у буржуазных производственников. Между тем как анонимная платформа, близко знакомая т. Осинскому, вместе с водой выплескивает из ванны ребенка и находится на волоске от того, чтобы скатиться к выше очерченной сменовеховской проповеди «смягчения» диктатуры вообще.

от руководства хозяйственной работой, это неизбежно приведет к тому, что из партийной работы будет вынута душа жива, что содержание партийной работы на весь нынешний период революции будет выпотрошено.

— Пусть партия занимается «чисто-партийной» работой,—говорят нам.—Но что это значит,—«чисто-партийная» работа в нынешний, хозяйственный, период революции, когда у власти стоит рабочий класс и его партия? Агитация, пропаганда, просвещение? Все это задачи в высокой степени почтенные, но они ни в коей мере не исчерпывают содержание работы партии в нынешний хозяйственный период. Наша партия не может быть сведена к агитотделу ее.

— Пусть партия распределяет своих работников по главнейшим отраслям хозяйственной и обще-государственной работы. Распределение работников есть право партии,—великодушно прибавляют другие товарищи. Еще бы, недоставало только, чтобы партия не имела права распределять своих работников! Но ведь и это есть только *часть*, хотя и очень важная часть, партийной работы. В значительной мере ее выполняет учраспред. Поскольку дело идет о распределении руководящих работников высокой квалификации, это—одна из задач орг- и политбюро. Но, все же, агитотдел даже плюс учраспред не есть еще партия в целом.

В том-то и дело, что настоящая партийная работа в нынешний хозяйственный период революции в том и заключается, чтобы *в основном и главном руководить хозяйственными и обще-государственными органами всей страны*. Руководить, конечно, *не значит заменять* советские и хозяйственные органы. Руководить *не значит—вмешиваться в мелочи*. Руководить—*не значит дергать*. Лишь те, кто придирается к словам, не хотят понять, что значит *руководить*.

Да, партия, выдвинутая и созданная рабочим классом, должна в основном руководить хозяйственными обще-государственными органами Республики. Только в этой форме и возможно действительное осуществление диктатуры пролетариата в нашей стране. Это отнюдь не «реакционное дон-кихотство». Это вовсе не значит—«тащить партию назад».

Про английского короля говорят, что он «царствует, но не управляет». Коммунистическая же партия, шестой год проводящая в жизнь диктатуру пролетариата, управляет и не может не управлять Советской страной. «Отделение церкви от государства», как справедливо характеризуют в партийных кругах вышеочерченные планы, встретит, мы уверены в этом, самый суровый отпор со стороны нашей партии.

Товарищи, называющие решение советских вопросов «партийным путем» решением «на-глаз», просто недостаточно знают современное состояние наших партийных организаций.

Партия наша ныне совсем не та, какой она была,—скажем,—в 1918 году. Партийные организации на местах росли и растут вместе с ростом задач, встающих перед нами. Партийные организации на местех тоже учатся и кое-чему уже научились. Они тоже знают, что нельзя решать хозяйственные вопросы «на-глаз». Они тоже умеют *изучать* хозяйственные условия. Они тоже понимают, что им следует принимать решения лишь по тем основным вопросам, по которым действительно требуется партийная директива.

Тов. Ленин явно смотрит на дело совсем иначе. Он тысячу раз прав, когда сосредоточение лучших наших партийных сил в решающих государственных и хозяйственных аппаратах и мобилизацию лучших из наших рабочих называет поисками новых сил в тех местах, «где лежат *наиболее глубокие корни нашей диктатуры*».

Как происходит дело в живой действительности сейчас? Возьмите, например, вопрос о натурналоге или о налогах в деревне вообще. Можем ли мы себе представить сколько-нибудь удовлетворительное разрешение этого коренного для Республики вопроса без руководства со стороны губкомов в каждой губернии? Наши «новаторы» должны знать, что на деле все губкомы подготовляют, разрешают и руководят этой в высшей степени важной кампанией во всех губерниях. И ничего, кроме хорошего, для партии и для Республики от этого не получается. Именно руководящее участие губкомов в этой кампании гарантирует нас от ведомственного разрешения вопросов «на-глаз». То же относится и к таким кампаниям, как семенная.

Или возьмите вопрос о заработной плате для рабочих и о поднятии производительности труда. Назначать заработную плату, конечно, не дело губкомов. Для этого есть соответствующие хозяйственные органы, которые должны договариваться с органами профессиональными. Но *руководить* в основном работой и тех и других органов в этом вопросе губкомы обязательно должны. И в действительности они этой работой и руководят. И только руководство наших партийных организаций снизу доверху и обеспечило нам то, что в этом в высшей степени щекотливом вопросе конфликты были доведены до минимума.

Рабочие правы, требуя скорейшего увеличения заработной платы. Уровень их жизни еще чрезвычайно низок. Профсоюзы волей-неволей отражают нетерпеливое настроение рабочих. А хозяйственники, в свою очередь, правы, отказываясь от чрезмерно быстрого увеличения заработной платы, которое могло бы зарезать самое восстановление хозяйства. И вот между этими двумя тенденциями необходимо выбирать среднюю линию. Кто справится с этой деликат-

ной задачей? Кто защитит действительные интересы народного хозяйства так, чтобы рабочая масса и, во всяком случае, ее авангард видел, что дело ведется правильно? Только партийная организация!

И так же обстоит дело с целым рядом других вопросов. Это и называется руководить работой хозяйственных органов.

Это вовсе не значит, что каждая партийная ячейка может действовать *кто во что горазд.* Это вовсе не значит, что внутренняя иерархия государственных и хозяйственных органов может быть смята мелочным вмешательством партийной организации. Практических трудностей на нашем пути еще очень много. Точной, подробной регламентации взаимоотношений между партийными и хозяйственными органами во всех деталях наш партийный съезд дать еще не сможет. Это решится практикой и опытом в течение длительного периода времени. Да это и не задача партийного съезда. Его задача должна заключаться лишь в том, чтобы наметить основное *направление*, тенденцию. И вот мы утверждаем, что это направление ни в коем случае не может итти в сторону отстранения партийной организации от хозяйственной работы, а должно итти в обратную сторону.

Полное разрешение задачи наступит лишь тогда, когда поднимется общий культурный уровень рабочего класса и главное—когда нашей партии удастся в течение ряда лет поднять нашу пролетарскую молодежь, подготовить новый кадр пролетариев-хозяйственников, коммунистических специалистов. Задача специализации является в настоящую эпоху одной из важнейших проблем—на этот счет нет спора. Партия не пожалеет усилий на то, чтобы дать надлежащее техническое и иное образование нашей молодежи, чтобы построить ряд первоклассных технических и иных учебных заведений, собрать преподаватель-

ские силы в эти учреждения и подготовить, таким образом, в течение ряда лет кадр новых хозяйственников специалистов-коммунистов. Кое что партии удалось уже сделать в этом направлении. Рабфаки— многообещающее начало. Нет никакого сомнения в том, что необходимо удесятерить и еще больше умножить усилия партии в этом направлении. Но, все-таки, партия не может просто ждать того счастливого момента, когда этот кадр специалистов-коммунистов будет нами воспитан. Россия не ждет. Хозяйство не ждет. Партия наша, обрастая все большим сочувствием миллионов и миллионов трудящихся, должна руководить государством, и в частности, государственной промышленностью и хозяйством *уже сейчас*. Устранение или самоустранение партии от этой руководящей работы не только ослабило бы политическое влияние партии и, стало быть, диктатуры пролетариата, но нанесло бы непоправимый удар и самому делу восстановления хозяйства. Ибо, что ни говори, как ни слаб еще хозяйственный опыт нашей партии, все же в наших рядах не только сотни тысяч преданнейших революционных бойцов, но и десятки тысяч рабочих-*хозяйственников* с громадным житейским опытом, реализмом, деловитостью и хозяйственным чутьем.

Наша партия «некомпетентна» в хозяйственных вопросах, возражают нам ультра-«деловые» люди и горе-партийцы. Партия некомпетентна—вы услышите эти слова из уст высоких сановников в центре центров, и вы можете их услышать также в каком-либо глухом уезде. Недавно на губернской конференции в Нижнем-Новгороде мы слышали товарищей, которые говорили от имени партийной организации промышленного села Богородского. И что же? Оказывается, что в далеком селе Богородском вопрос ставится так же, как в наших столицах. Приезжающий

из центра или губернии хозяйственник считает признаком хорошего тона игнорировать уком, а когда уком вежливенько приглашает почтенного хозяйственника все же хоть изредка побывать в партийной организации и поделиться с ней соображениями о хозяйственной работе, хозяйственник, ничтоже сумняшеся, повторяет сакраментальную формулу: да ведь партийная организация не компетентна в хозяйственных вопросах.

А, между тем, наши богородские пролетарии-коммунисты, право же, в иных хозяйственных вопросах богородского масштаба имеют изрядный опыт и компетенцию.

«Партия не компетентна»! Это неверно. Взятая в целом, она не так уж «не компетентна», как это думают некоторые ультра-«деловые» люди. А, главное, ее компетентность растет и будет расти теперь быстрее, если мы только не соблазнимся теми «деловыми» рецептами, которые нам предлагают для излечения болезни «некомпетентности». Ибо в данном случае лекарство поистине горше болезни.

Если взять грубые цифры, то можно сказать следующее: Республика делится сейчас, примерно, на 100 губерний. На каждой нашей губернской партийной конференции участвует, примерно, 150—200 делегатов, в своем громадном большинстве рабочие. Это дает кадр в 15—20 тысяч передовых активных пролетариев. За каждым из этих пролетариев обыкновенно стоит не меньше, чем с десяток таких же или приблизительно таких же рабочих. Это дает 150—200 тысяч рабочих, которые при поддержке довольно многочисленного слоя передовых крестьян-коммунистов и управляют сейчас Россией, ее государственным и хозяйственным аппаратом. Эти 150—200 тысяч передовых пролетариев и составляют железо-бетонный фундамент нашей партии. И, право

же, товарищи маловеры, у этого слоя и прежде всего у 15—20 тысяч рабочих-вожаков теперь, после 5 лет революции, немалый хозяйственный и административный опыт. Именно их руководящее участие в работе, в общегосударственном и хозяйственном аппарате гарантирует нам, что вопросы будут решаться *не* по-ведомственному, *не* бюрократически и *не* «наглаз», а в общем и целом по-советски, по-пролетарски, по-коммунистически.

А новый слой работников подымается, а пролетарская молодежь растет и растет. За 5 лет революции этот слой возмужал и крепнет на наших глазах.

В анонимной платформе «коммунистических либералов» (см. прекрасную статью о них тов. Бухарина) мы читаем жалобу:

«Малый процент и узкая сфера идейного влияния старых революционеров; преобладание в партии членов, не прошедших ни марксистской школы, ни стажа подпольной работы и даже (это пренебрежительное «даже» прямо замечательно. *Г. З.*) стажа борьбы на гражданских фронтах».

Здесь смешано правильное с неправильным.

Да, конечно, старых революционеров у нас остается мало. Да, работников со стажем до 1917 года у нас в партии всего 10 тысяч человек. Но «сфера их влияния», вопреки приведенному мнению, громадна. Они—цемент для нашей партии.

Но, конечно, *не одни они*. А другой призыв,— около 40 тысяч товарищей, — вошедший в партию в 1917 году, в год грозы и бури, разве это не первоклассные революционные работники? А наша прекрасная молодежь, влившаяся широкой волной, особенно в 1918 и 1919 годах, и многому научившаяся за эти годы, разве не выдвигает она новые силы?

Замечательно это слегка аристократическое отношение («даже») к «стажу борьбы на гражданских

фронтах». «Коммунистическим либералам» и невдомек, что этот стаж иной раз все же *стоит* и подпольного стажа.

Прочитайте повнимательнее хотя бы беллетристические очерки *наших* новых писателей, выдвинутых эпопеей гражданской войны,—вникните в содержание таких вещей, как «Неделя» тов. Лебединского или очерки борьбы с Врангелем тов. Полярного, и вы поймете, что стаж гражданской войны для многих наших молодых коммунистов был нередко *достаточно серьезным* революционным горнилом.

Партия здорова. Партия выдерживает испытания НЭП'а. Но опасности перерождения отдельных клеточек партии и переходный период НЭП'а все же существуют. Не забудем, что часть наших хозяйственников уже по условиям своей работы действительно выдвинута настолько вплотную в лагерь НЭП'а, что опасность плохого влияния, несомненно, налицо.

С громадным трудом партия подбирает свою фалангу хозяйственников, от которой, в значительной мере, будет зависеть ближайшая судьба возрождения нашей промышленности. Одной из наших важнейших задач является обеспечить нашим хозяйственникам нормальные условия работы,—чтобы их не перемещали слишком часто, чтобы они имели возможность не на словах, а на деле специализироваться, изучать порученное им дело. Партия должна окружать своих хозяйственников атмосферой полной моральной поддержки и помощи. Партия должна беречь, как зеницу ока, и развивать дарование каждого своего дельного хозяйственника. Красный директор-коммунист, хорошо управляющий той или другой фабрикой, заводом, приносит партии пользу никак не меньшую, чем любой партийный пропагандист или агитатор. Малейшему проявлению демагогии или какого-либо легкомысленного похода против комму-

нистов-хозяйственников, как таковых, партия даст беспощадный отпор. Но самая лучшая часть наших хозяйственников поймет, что период НЭП'а чреват опасностями, в первую очередь именно для наших хозяйственников, и что партия, в интересах рабочего класса в целом и самого отряда. хозяйственников в частности, *обязана* принимать предупредительные меры против возможных деморализующих проявлений НЭП'а.

План т. Ленина, связанный с реорганизацией Рабкрина и ЦКК, тем и ценен, что он ставит на очередь и намечает удовлетворительное разрешение двух крупнейших вопросов всей революции: 1) действительное улучшение нашего государственного аппарата, 2) систему мер, могущую, при надлежащей постановке дела, обеспечить партию от тех опасностей, которыми НЭП угрожает некоторой части наших хозяйственников [1]).

«Пусть президиум ВЦИК будет для Советов тем же, чем ЦК является для нашей партии»,—товарищи, проповедующие эту формулу, тоже совершенно не отдают себе отчета в том, что это есть лишь несколько иначе выраженная формула «эмансипации» Советов от партии. Партия на то и пролетарский авангард, чтобы руководить *всеми* формами массового движения,—*и* советского, *и* профессионального, и пр.

---

[1]) Этого последнего, повидимому, совершенно не учел т. Красин в его статье, критикующей план тов. Ленина. Слона-то он и не заметил. В утешение тов. Красину, мы можем сказать, что нам приходилось встречать и таких товарищей, которые «не возражают» или «в принципе принимают» план тов. Ленина и, которые, однако, тоже совершенно не отдают себе отчета в том, что принять план тов. Ленина означает—отвергнуть «план» тов. Осинского и согласиться на усиление руководящей роли партии в деле управления государственными и, в частности, хозяйственными органами.

А ЦК на то и ЦК партии, чтобы руководить *всеми органами* массового движения, всеми государственными и хозяйственными органами. Это «даже» надо понять нашим горе-партийцам. Иначе они рискуют продолжать говорить ликвидаторской прозой, сами того не замечая.

Тем товарищам, которые с некоторым высокомерием говорят о решении советских вопросов «партийным путем», мы очень советуем вдуматься в следующие слова из последней статьи т. Ленина:

«*Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?*

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?.. Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области,—будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А ведь Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто-чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных, и т. д., одним словом, всех, без малейшего изъятия.

Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности—почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним—насмешкой».

Надеемся, что читатель не посетует на нас за длинную выписку,—право же, не мешает лишний раз напомнить всем нам эти замечательные слова т. Ленина.

Не каждый из нас решился бы назвать бюрократом того, кто отрицает такую постановку вопроса. Но, по секрету сказать, ничего, кроме бюрократизма, в таком отрицании действительно нет. И если даже этот бюрократизм был бы облечен в самую изящную и законченную форму, партия все же должна его отвергнуть.

Заметьте, читатель, т. Ленин в приведенных словах говорит *не только* о направляющем контроле, *не только* об основном руководстве со стороны партии в главных вопросах государственной и хозяйственной жизни, он говорит о большем,—он предлагает прямо в некоторых случаях «*соединить*» *учреждения партийные с учреждениями советскими*. Он употребляет даже термин «*слияние*». Легко представить себе, как оценил бы тов. Ленин платформу «коммунистических либералов».

Да, далеко, видно, тов. Ленину до некоторых наших ультра-«государственных» деятелей. Но мы, староверы, все же предпочитаем этот ленинский

путь всем, даже самым «новейшим» и архимодным «государственным» веяниям. И это по той простой причине, что, подчеркивая и отстаивая руководящую роль партии, мы направляем свое внимание «туда, где лежат наиболее глубокие корни нашей диктатуры».

Доклад о партстроительстве на XI съезде.

Настало время, когда наша партия должна самым внимательным образом, гораздо внимательнее, чем это было до сих пор, заняться вопросами внутреннего своего строительства. Настало время, когда мы целый ряд коренных проблем и основных вопросов существования и функционирования нашей партии должны взвесить еще раз гораздо более хладнокровно и обстоятельно, чем это нам удавалось сделать до сих пор.

Тезисы, которые представлены Ц. К. нашей партии, которые я должен защищать перед вами, вероятно, имеют очень много пробелов в части чисто практической: это вопрос о тех предложениях, которые можно еще сделать в области улучшения нашего партийного аппарата. Я думаю, и мы все в Ц. К. думаем, что задача настоящего съезда заключается не столько в том, чтобы сформулировать еще десяток—другой практических пожеланий в этой области, сколько в том, чтобы оглянуться на пройденный путь и наметить предстоящие этапы. Резолюции X партсъезда, резолюции Всероссийской конференции и конференции секретарей, которая происходила во время Всероссийской конференции, резолюции предыдущих съездов и конференций формулировали такую массу

практических указаний и пожеланий, что, если бы нам удалось выполнить хотя бы половину их, то это был бы уже громадный шаг вперед. Разумеется, и на нашем съезде мы должны будем самым внимательным образом выслушать каждое практическое предложение, в котором будет что-нибудь осуществимое, но основная задача заключается в том, повторяю, чтобы взвесить некоторые коренные, принципиальные вопросы существования нашей партии.

Для того, чтобы понять роль нашей партии, необходимо хотя бы в самых беглых чертах остановиться на ее истории. Наша партия не просто одна из партий. Наша партия является в данный момент—это мы можем сказать без всякого преувеличения—является важнейшим инструментом исторического прогресса не только у нас, в нашей стране, но и во всемирном масштабе. Наша партия есть основа Коммунистического Интернационала. Наша партия есть партия, руководящая государством. Наша партия является прообразом для целого ряда других партий, наша партия единственная легальная партия в стране. Процессы, происходящие внутри нашей партии, имеют сейчас не узкопартийное, а общегосударственное и, без преувеличения, всемирное значение.

Как составилась наша партия? Передо мною книга, которую я буду цитировать в своем докладе несколько раз,—книга одного из членов меньшевистского Ц. К.—Далина, которая называется «После войн и революции», вышедшая на-днях в Берлине. Этот член Ц. К. меньшевиков счел своей задачей разобраться особенно подробно во всем том, что происходит в нашей партии. Надо ему отдать справедливость, что он подобрал очень много ценного материала, разбросанного там и сям, и попытался со своей меньшевистской точки зрения дать оценку того, что происходит у нас. Я думаю, т.т., что нам следует время от времени при-

слушиваться к голосу даже злейших своих врагов, особенно же, когда их заявления основаны на изучении истории нашей партии. Этот автор ставит вопрос: с каким человеческим багажом вступила коммунистическая партия в революцию? и говорит: «С каким человеческим багажом вступила большевистская партия в революцию? Это было несколько тысяч человек, оставшихся в наследство от революции 1905 года, отчасти в эмиграции, по большей части в России. Сколько их было?—конечно, никто не скажет, но, безусловно, не больше пяти-десяти тысяч, из них не меньше трети—интеллигенция. Вот тот основной капитал, который стал затем давать большие дивиденды» (Д. Далин—«После войн и революции», Берлин 1922, стр. 29).

Разумеется, в этом заявлении есть зерно истины. Действительно, наша партия вступила в революцию, по количеству будучи очень небольшой. На нашей первой конференции сейчас же после падения царизма в апреле 1917 года были представлены около 75.000 членов партии, и то с большим округлением. Это было через два месяца после падения царизма. А в течение этих 2 месяцев, вы сами хорошо помните, какая масса рабочих устремилась к нам. Из 75.000 членов, представленных на апрельской конференции старых членов партии, вероятно, было не больше половины. Стало быть, действительно наша партия имела к началу своего легального существования не более 40—50 тысяч членов, но, конечно, не значит, что она не была массовой партией. Наша партия, как партия большевиков, складывалась с 1903 г. и была массовой партией. Она была массовой партией в то время, когда мы были загнаны в подполье, когда аппарат ее был сужен, и когда численный состав наш был очень мал. Судьбы развития нашей партии были таковы, что за 2 десятилетия у нас накоплялся целый

резервуар потенциональных, если так можно выразиться, членов партии, т.е. таких рабочих, которые сочувствовали нам и потом вошли в партию, но которые во время нелегального существования партии лишь сочувственно относились к ней. В последовавшем быстром росте нашей партии не было ничего случайного. Это не был просто головокружительный скачок; это было закономерное разворачивание, развитие партии, итог того, что накоплялось в течение двадцати лет. Когда из куколки вылетает бабочка, то можно подумать, что это явление произошло случайно, но на самом деле это случилось закономерно. Можно сказать, что то же самое случилось и с нашей партией. Она накопляла за эти два десятилетия из рабочей среды лучшие элементы, из которых образовалось ядро, образовалась куколка, а из этой куколки вышло то, что мы имеем сейчас. Но совершенно верно, что основное ядро нашей партии было численно очень ничтожно. Меньшевик, на которого я ссылался, называет главную массу членов нашей партии «мартовскими большевиками», применяя аналогию с мартовскими эс-эрами.

Вы помните момент апогея эс-эровской партии, когда она считалась самой могучей партией в стране, и когда мы, большевики, высмеивали ее за то, что она была партией мартовской, т.-е. партией, к которой ее члены примкнули после мартовской революции. Озлобленный критик из Ц. К. меньшевиков, по аналогии, говорит, что и у нас мартовские большевики, так как мы имели всего 5.000 человек, когда вступали в революцию. Я думаю, что основная наша задача на этом съезде—вдуматься в этот коренной вопрос, действительно ли наша партия становится сейчас партией мартовских большевиков, другими словами, настолько ли она разбухла, настолько ли подменен ее социальный состав, настолько ли проникли в нее

чуждые элементы, что партия постепенно превращается из партии просто большевиков в партию большевиков мартовских. Я должен сказать с самого начала, что отнюдь не вижу свою задачу, как и Ц. К. нашей партии, в том, чтобы затушевывать те громадные трудности и опасности, перед которыми стоит наша партия. Самая худшая услуга, которую можно было бы оказать нашей партии—это изображать дело так, что все обстоит благополучно, что никакой угрозы наводнения мартовскими большевиками нет, а также нет у нас и угрозы перерождения. Нет, все эти опасности существуют, и партия на XI-м съезде должна в них вдуматься самым серьезным образом.

Один из врагов нашей партии, в статье, помещенной в берлинской правокадетской газете «Руль», на-днях убитый, Набоков, перед самой чисткой нашей партии поместил следующие слова о нашей партии. Он пишет:

«Коммунистическая партия пришла к власти небольшой группой, состоящей из идейных энергичных деятелей, располагающей среди крестьян и рабочих некоторым количеством дисциплинированных работников. Затем, партия постепенно, но сравнительно медленно увеличивалась, при чем борьба на фронтах помогала сдерживать в рядах партии железную дисциплину. За последнее время в ряды партии хлынул в огромном количестве мелко-буржуазный элемент—чиновники, служащие, бывшие приказчики и т. д.; прежний мускулистый, выдерживающий самые сильные удары организм партии стал ослабевать, покрываться жиром. Кроме того, многим партийным деятелям пришлось отойти от партийной работы и занять высокие административные посты. Постепенно эти деятели проникались ведомственными, а подчас даже и общегосударственными интересами, нередко входящими в столкновение с целями партии.

Вместе с тем прекратился приток в ряды партии идейных работников, главным образом, в партию стремились люди, искавшие от этого всякого рода жизненных благ. Это засорение коммунистической партии обратило на себя внимание руководителей, которые решили принять энергичные меры для ее очистки. Решено было произвести повсеместно пробные испытания для членов партии. Испытания эти, заключавшиеся в экзаменах по программе коммунистической партии, дали самые отрицательные результаты. В громадном большинстве случаев, даже в городах, нельзя было получить удовлетворительные ответы. Эта поверка еще более усилила тревогу в руководителях партии, которые решили произвести всероссийскую перерегистрацию партии в целях удаления из нее всех непринадлежащих к числу рабочих и крестьян, а также интеллигентов, примкнувших к партии после большевистского переворота 1917 года» («Руль» от 18 ноября 1921 г. № 305).

Так пишет один из наших наиболее дальновидных врагов из буржуазии в органе правых кадетов. Вы видите, что за внутренним состоянием нашей партии следят в оба все наши противники. Они в микроскоп рассматривают состояние нашей организации и видят, что состояние нашей организации является сейчас вопросом не внутрипартийным, а вопросом государственным, и даже без всякого преувеличения, можно сказать, мировым. В той характеристике правого кадета, которую я вам привел, есть тоже много такого, на что мы должны обратить внимание. Злорадные ожидания наших врагов вполне понятны, но самой худшей услугой для нашей партии было бы, если бы мы просто-на-просто закрывали глаза и говорили, что, если так пишет правый кадет, то с этим заявлением можно не считаться: тут ни зернышка истины нет. Но это будет неверно. Все эти трудности, на

которые указывают наши враги правокадетского лагеря, несомненно, существуют перед той партией, которая живет и борется в стране, окруженной буржуазными государствами, в стране, где большинство населения принадлежит не к пролетариату, а к крестьянству. Те опасности, с которыми нам приходится считаться сейчас, разумеется, сравнительно новы. Еще несколько лет назад партии приходилось считаться с совершенно другими опасностями. Довлеет дневи злоба его.

Ныне положение республики, ныне наше международное положение создает для нашей партии совершенно новые опасности; и мы не были бы большевиками, если бы мы не умели трезво и безболезненно смотреть всей этой опасности прямо в глаза, если бы мы не умели среди тьмы, злорадства и злопыхательства, рассеянных в критике наших врагов, отличить то, что действительно выходит из фактов. Мы должны это видеть, чтобы это победить.

Наша партия, по своему социальному составу, разнородна. Мы ставили первый раз этот вопрос довольно широко на IX-м и даже на VIII-м съезде нашей партии. Мы должны его теперь поставить заново и должны, все, как один человек, вдуматься в эту сложнейшую проблему.

Нельзя, разумеется, к этому вопросу подходить с кондачка. Надо несколько вернуться к прошлому. Я вспоминаю, например, что при первых наших столкновениях с меньшевизмом, еще полтора десятилетия тому назад, некоторые из меньшевиков, например П. Б. Аксельрод, считали главным аргументом против нас то, что большевистская организация вовсе нерабочая по своему социальному составу. Отсюда он выводил обвинение против нас в том, что мы бланкисты, ткачевцы и т. д. Был ли прав в этом отношении Аксельрод? Классовый состав, социальный состав

наших руководящих организаций партии в целом был в значительной мере нерабочий. Это первое. Старые революционеры, находящиеся в изрядном числе и в этом зале, припомнят те времена, когда большевистские организации и комитеты по своему составу были в значительной степени интеллигентскими, студенческими, если хотите. Старая организация «Искры», послужившая основой нашей партии, была наполовину, если не больше, чем наполовину, интеллигентской. Это, несомненно, так. И в этом отношении Аксельрод прав. Но было бы смешно, если бы из этого факта мы не делали те выводы, к которым пришел Аксельрод. Мы говорили: да, классовый состав нашей организации и в особенности руководящие части в данный момент не чисто-пролетарские, но основа этой организации пролетарская, фундамент—рабочий класс, программа пролетарская. Рабочий класс своей массой давит на нее и направляет партийный корабль туда, куда нужно. Я говорю это вовсе не для того, чтобы изобразить так, что мы можем смотреть спустя рукава на разнородность состава нашей партии. Я говорю, чтобы показать, что вопрос вовсе не так прост, как это представляют некоторые товарищи из нашей партии, и в особенности товарищи из группы 22-х, которые, констатировав факт разнородности состава партии, путаются в трех соснах и не могут как следует разобраться в фактах. Для них достаточно того, что они говорят: вот у нас в партии только 50 процентов рабочих, 15 процентов крестьян и остальные 35 процентов—разнородные элементы. Стало быть, наша партия нерабочая, стало быть, надо терять голову и начать делать шаги, которые объективно приводят к тому, чтобы зарезать партию.

Оглянемся на историю партии, на наиболее славные годы ее зарождения, когда мы прокладывали дорогу рабочему классу нашей страны и всего мира.

Тогда вопрос о социальном составе вовсе не был так прост. И, вообще, организовать партию—это не по одной доске пройтись. Взаимоотношения между партией и рабочим классом вовсе не так просты, как представляют себе иные товарищи. Наша партия была разнородной по своему социальному составу и до революции 1905 года; в различных пропорциях это осталось и после 1905 года. Она стала все больше и больше орабочиваться с того момента, когда рабочее движение, особенно после 1912 года, вышедшее из берегов, стало принимать характер будущей социалистической революции. Это было неясно до самого 1917 года. Еще в 1916 году в известных тезисах, писанных редакцией нашего центрального органа за границей, вопрос о будущем характере русской революции ставился неясно. С 1912 года по 1917 год мы видим отрезок времени, когда все более и более ясно становится, что рабочее движение выходит из буржуазных берегов и подходит к революции социалистической, а не буржуазно-демократической. По мере того, как это становится ясным, партийная интеллигенция начинает понимать, или, вернее, чувствовать, схватывать это и начинает отходить от пролетарской партии. Начинается постепенное очищение социального состава партии от интеллигенции, от большого студенческого слоя, который долгое время в нашей большевистской партии играл, если не руководящую, то крупную роль. Партия становится все более рабочей. К 1917 году происходит новое явление, которое в корне меняет ситуацию. В партию вливается большая крестьянская струя, чего не было раньше. На этот счет я могу привести характерные цифры. У нас из вновь вступивших в партию до 1917 года рабочих 53%, вступивших в 1917 году рабочих 63%. Цифры относительно крестьян, вступивших в партию до 1917 года, 3%, в 1917 году—6%, к 1920 году—17%.

Эти годы, с 1917 по 1920, характеризуются тем, что значительная крестьянская волна вливается в ряды партии, меняется ее социальный состав. Происходит двуединый процесс: с одной стороны, отход буржуазно-интеллигентских или буржуазно-демократических элементов, студенческих и прочих, которые шли в партию в надежде, что она произведет буржуазно-демократическую революцию, в чаянии политической свободы, а не социалистической революции; с другой стороны, приход крестьянских и полукрестьянских элементов—тех самых, которые до 1917 года были белыми воронами в партии. Мы не имели тогда связей с деревней. К 1917 году начинается прилив крестьянских элементов, и происходит в известном смысле смена декораций, происходит передвижка в социальном составе нашей партии. Как это произошло,—всем известно. Мы все помним прекрасно, в чем была сила партии между февралем и октябрем. Главная сила была в том, что передовой авангард рабочего класса был на нашей стороне. Это само по себе не решило дела. Решило дело то, что в этот момент армия, состоящая из десяти миллионов человек, повернула к нам, потому что мы формулировали ее программу прекращения войны. Кто была эта армия? Это было крестьянство. 10 миллионов солдат—это 10 миллионов крестьян, наиболее молодой и подвижной части деревни,—той части, которая представляет ее, которая является наиболее свежим, почвенным ее слоем. Они послали к нам ходоков, дали нам силу перед октябрем, помогли нам свалить буржуазию. Через них начался большой прилив в ряды нашей партии крестьян-коммунистов, или тех, которые считали себя коммунистами, не будучи таковыми. В 1917 году этот процесс начался, в нем была наша величайшая сила. Если бы не сочетание исторических условий в этом смысле, если бы не поддержка этой десятимиллионной крестьянской

массы, не могло быть и речи о победе над буржуазией. Это была величайшая наша сила. В этом, однако, была и слабая сторона, это была ахиллесова пята. Это привело к нам бедные слои крестьянства, которые даже в том случае, когда искренно считали себя коммунистами, на деле коммунистами не могли быть. Они принесли в нашу партию ряд предрассудков деревенского жителя, предрассудков, которые можно назвать с известным правом мелко-буржуазными. С 1917 по 1922 год в различном темпе с различными вариациями, перебоями этот процесс развивается: через Красную армию систематически вливаются в наши ряды целые слои крестьян и, может быть, точнее будет сказать, полу-крестьян, полу-рабочих. Это создает пестроту в нашей партии. Это все более и более чувствуется на местах, на губернских конференциях, это начинает чувствоваться и на партийных съездах. Это есть явление, над которым должен задуматься, безусловно, каждый серьезный деятель нашей партии.

Таким образом, с 1917 по 1922 год происходит крупнейшая перегруппировка социального состава в нашей партии. Отрицать опасности, связанные с этой перегруппировкой, нельзя. Здесь ни в коем случае нельзя делать такого поспешного вывода, что, если наша партия сейчас не имеет 100 или 90% рабочих, значит, она не рабочая партия. Я полагаю, что организация, которая называлась старая «Искра», гг. 1901—1903, организация большевиков, скажем, с 1903 по 1905 год, с 1905 по 1921 год, несмотря на то, что социальный состав ее, если взять грубо, статистически, упрощенно, был не чистый пролетарский, тем не менее, «Искра», большевистская партия в эти годы была рабочей организацией, пролетарской большевистской партией. Я думаю, что, несмотря на то, что произошли эти два крупных процесса отхода

буржуазно-демократической интеллигенции и прихода крестьянства, несшего с собой остатки мелко-буржуазных идей, наша партия, тем не менее, остается и останется пролетарской большевистской партией.

Тем самым перед нами ставится еще и еще раз вопрос о взаимоотношениях нашей партии к рабочему классу, т.-е. о взаимоотношениях авангарда ко всему рабочему классу, с одной стороны, и о взаимоотношениях нашей партии с крестьянством.

Сначала остановлюсь на первом вопросе, на нашем отношении партии, как авангарда рабочего класса, ко всему рабочему классу; в тезисах, которые я вам представил, говорится определенно о том, что рабочий класс, в силу перипетий нашей революции, деклассирован, что ядро рабочего класса в этом смысле разрушено, рабочий класс разбрелся по градам и весям Советской республики, часть осела в деревне, часть вынуждена искать пропитания в тяжелых условиях, меняя профессию чуть не каждый месяц. Мы сохранили, сравнительно, небольшое ядро рабочего класса. Явление это, конечно, временное. Если удастся восстановить крупную промышленность, в чем мы не сомневаемся, то рассеянный по всему лицу республики рабочий класс начнет постепенно собираться на фабрики и заводы, консолидироваться, начнет крепнуть. Деклассирование рабочего класса есть явление временное. Когда я говорю, что это явление временное, я это говорю не в утешение. Временное не значит кратковременное. Может быть, потребуется, даже наверное, несколько лет, пока начнет консолидироваться ядро промышленного пролетариата. В настоящее время наш съезд происходит в этом смысле на рубеже. Результаты деклассирования пролетариата сказываются особенно больно, наглядно. Мы знаем, что даже в наших лучших промышленных центрах, как Петроград, Москва, в лучших заводах, как Пути-

ловский в Петрограде, у нас сохранилось ядро, но ядро вовсе не самое лучшее. Это большей частью рабочие-старики, потому что молодежь была более предприимчива. Составляя наилучш, ю революционную часть рабочего класса, она пошла в деревню, в армию, в гос дарственные органы; многие из них погибли: из 40.000, которые мы имели в начале революции, из старого состава погибло не менее половины, а 20% превратилось в инвалидов. То, что мы сейчас имеем, является не самой жизненной, не самой здоровой, не самой старой частью, а той косной частью пролетариата, который на заводах остался; мы имеем там часть мелко-б, ржуазную, которая пошла на заводы во время войны.

Припомните стачку на оружейном заводе в 1919 г. в Туле, когда Деникин взял Орел. Кто ее устроил? Эта стачка была знаменательна. На Тульском заводе в 1919 году оказались сотни, если не тысячи мелких домовладельцев, мелких буржуа, часть буржуазной интеллигенции, которая шла на завод, чтобы не идти на войну. Мы должны видеть рабочий класс таким, каков он есть. Когда на съезде выходят товарищи, берут под свою защиту рабочий класс и говорят: не смейте говорить о деклассировании пролетариата, мы можем им сказать: для нас нет ничего более великого, как рабочий класс, и все мы служим—и будем служить до последнего издыхания—рабочему классу, но служить рабочему классу не значит льстить рабочему классу. Отрицать деклассированность пролетариата, видеть его не таким, каков он есть, значит бить как раз в обратную сторону, значит, действительно, не давать партии возможность разобраться в том, что есть. Мы обязаны видеть рабочий класс таким, каков он есть сейчас. Если мы не будем скрывать от себя его недостатки, то мы действительно можем быть уверены, что мы увидим рабочий класс выздоравливаю-

щим, мы увидим его в лучшем положении, в этом мы уверены. У нас будет опять здоровое ядро, которое будет расти. Мы уверены, что так будет, но сейчас этого еще нет. Рабочий класс сильно деклассирован, и это сказывается на каждом шагу. Вот почему, товарищи, совершенно необходимо, чтобы наши съезды ни в коем случае не идеализировали тех рабочих, которых мы имеем сейчас на наших фабриках и заводах. Чем яснее мы увидим опасность, чем яснее мы увидим худые, печальные стороны, тем скорее наша партия поможет стать рабочим на ноги, поможет им излечиться.

Теперь я перехожу ко второму вопросу—к нашим взаимоотношениям с крестьянством. Мы видим, что в партии 20% составляют крестьяне. Мы видим, что партия вынуждена управлять страной, имеющей больше половины крестьянского населения. Это сказывается на всех главнейших вопросах. Когда на нашем съезде выходили товарищи и оспаривали тезисы т. Ленина относительно того, что рабочие не должны забывать, что они имеют громадные обязанности по отношению к крестьянам, когда в ответ на это т. Шляпников и другие говорят, что все время нам напоминают о крестьянах, что мы в долгу у крестьян, когда приводят резолюцию, которую цитировал т. Томский, что рабочие должны использовать Советскую власть для защиты своих интересов, то мне кажется, что товарищи в этом вопросе либо защищают меньшевистскую точку зрения или вообще не дают себе отчета. Меньшевики с нами спорили и перед 5-м годом и после 5-го года именно в этом направлении. Вспомните наше постановление о том, что рабочий класс должен быть гегемоном в революции. Что мы хотели этим сказать? Мы хотели сказать, что рабочий класс должен смотреть на себя не с точки зрения цеховых интересов, а что он должен смотреть с точки зрения

общегосударственной. Он претендует на нечто большее, чем копеечка на рубль, на нечто большее, чем сносные условия существования; он претендует на гегемонию, на руководство в стране. Меньшевики в это время как раз и обвиняли нас, что это буржуазно-демократическая точка зрения. Все товарищи, которые участвовали в этом споре, подтвердят, что это факт. Возьмите пятитомник меньшевистской истории первой революции, в чем их главное обвинение? Они обвиняют нас именно в этом: вы увлеклись буржуазно-демократическими перспективами управления страной и не замечаете, что нужно заботиться о рабочем классе и т. д. А мы говорили: вы смотрите на рабочий класс как на маленького и думаете, что он вырос, встает и разгибается во весь рост только для того, чтобы защищать цеховые, классовые интересы, а мы думаем, что рабочий класс вырос, что это единственный класс, который способен спасти страну, который способен наладить новый порядок, который может претендовать на нечто большее, может претендовать на гегемонию в руководстве всей революцией. То же самое и здесь. Конечно, если бы наша партия хотя на минуту забыла, что ей надо руководить крестьянством и что надо считаться с настроением крестьянства, тогда верная гибель обеспечена. Такие толкования: рабочий, иди по этому руслу, ты думай о себе, а не о каком-то крестьянине,—чистейший меньшевизм. В любой дискуссии, в любом собрании при самом точном разборе всех фактических сторон нашей революции и нашей борьбы с меньшевизмом, легко доказать, что это перепевы, вариации аксельродовских идей. Это только кажется очень левым, очень непримиримым, на самом же деле, это не что иное, как чистейший меньшевизм. Мы, работающие в стране с громадным преобладанием крестьянства, мы, как

рабочий класс, взявший власть в свои руки, опираясь на все то, что мы подготовляли в течение 2-х десятилетий работы, мы можем спасти положение и можем дать действительную, а не фиктивную, бумажную возможность рабочему классу постепенно начать улучшать свой быт, постепенно начать улучшать свое существование, лишь удержав Советскую власть, т.-е. лишь удержав союз с крестьянством. Кто говорит: зачем ты поешь, что ты в долгу у крестьян?—тот думает, что он очень левый, но он не замечает, что он унижает роль рабочего класса, как гегемона, как руководителя революцией в народном и международном масштабе, унижает роль класса, который может улучшить свой быт только в том случае, если он выведет революцию из того положения, в каком она находится сейчас. Вот почему мы полагаем, что вопрос о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством есть серьезнейший, не только общегосударственный, общеполитический и внутреннепартийный вопрос. Тот, кто это понял, тот совершенно правильно будет подходить к вопросу о социальном составе нашей партии. Взять статистику, надеть очки и сказать: в партии только 50 или 49% рабочих,—значит, они не рабочая партия. Это очень простая, дешевенькая критика. Кто же этого не понимает? Было бы, конечно, крайне вредно, если-бы кто-нибудь хотел сказать, что этот факт надо игнорировать. Все равно, сколько процентов рабочих мы ни имеем, все равно рабочая партия. Это неправильно. Но надо приглядеться и прислушаться к историческому развитию, к меньшевикам и кадетам и ко всем критикам, которые указывают на нашу ахиллесову пяту. Надо обдумать положение, как оно есть, и ни в коем случае упрощать его нельзя, представлять так, что тут можно при помощи статистики выяснить, какова сущность нашей партии. В политике часто случается,

что люди, желающие попасть в одну дверь, попадают в другую, и это случается с товарищами, которые берут под защиту рабочий класс, когда мы говорим о его деклассированности, когда они говорят об оскорблении его величества пролетария, когда говорят о взаимоотношениях с крестьянами. Они думают, что, поступая так, критикуют слева, а, на самом деле, поступают как люди, которые занимаются жалкими, мизерными перепевами того, что было сказано меньшевиками, только в другой обстановке и лет 12 тому назад. Пусть не прогневаются товарищи Медведев и Шляпников, но часто они щеголяют в истоптанных башмаках Аксельрода, хотя им и кажется, что они не весть какие революционеры.

Взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, разумеется, отражаются на взаимоотношениях в нашей партии. Хорошо или плохо, что у нас в составе партии около 25% крестьянства? Я на этот вопрос отвечу вопросом. Я спрашиваю вас—можем мы построить Красную армию, не принимая в свои ряды через Красную армию все то, что там выделяется лучшего в нашу партию? Откуда пришли эти крестьяне в партию? Приход начался в 1917 году, после октября. Он шел отчасти через комбеды, а главным образом, через Красную армию, через командные курсы Красной армии, которые так необходимы и которыми мы так гордимся. Это элемент полукрестьянский, полурабочий, который во многих отношениях более отстал, чем промышленный пролетарий. Мы же прошли огонь и медные трубы. Все эти минуты мы должны видеть, и вся партия в целом должна спешить на помощь отсталому слою, чтобы помочь ему изжить все те слабости, которые у него есть. Но может ли наша партия отказаться от приема в нашу партию этого слоя, который идет через Красную армию, командные курсы и комитеты деревенской бедносты?

Нет, не может и не должна! В том наша сила, что мы получили через этот слой связь с лучшей частью деревни, что стали партией не только городов, но и деревни. Я не говорю, что в этом явлении нет отрицательной стороны и опасности, мы ее видим и будем рассматривать, какие меры надо принимать. Конечно, когда из деревни в Красную армию приходят десятки тысяч товарищей, которые недавно обладали всеми предрассудками деревенской жизни, не знали ничего, кроме своего околотка, были неграмотны, верили в Бога и т. д.,—привносит в партию такой элемент, который ее отягощает, может стать опасным и который надо видеть и уметь бороться, чтобы помочь этой части подняться поскорее на уровень городского пролетария. Но думаю, что наша партия может остаться тем, чем есть и что она может правильно координировать основы взаимоотношения рабочего класса с крестьянством. Вот откуда получилась та разнородность, которую мы имеем, опасная сторона, которую мы должны всегда видеть и с которой должны бороться.

И еще другой момент важно указать. Я говорю о том, что мы являемся партией, единственно легальной в стране, что мы имеем, так сказать, «монополию легальности»; это оскорбляет слух партийного патриотизма, но выразимся ясно,—мы имеем «монополию легальности», мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем возможности легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эс-эрам. Поступить иначе, я думаю, мы не могли. Диктатура пролетариата,—как говорит тов. Ленин,—есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломать спинной хребет всем противникам этой диктатуры. Мы поступили пра-

вильно и сейчас не можем поступить иначе и никто не может указать то время, когда мы сможем пересмотреть наши взгляды в этом вопросе. Это может быть тогда, когда мы упрочимся окончательно и не будем окружены со всех сторон буржуазной стихией.

Правда, некоторые говорят, что к этому времени, пожалуй, окончательно вымрут меньшевики и эс-эры и некому будет давать политической свободы. Ну, что же. Большой беды не будет. Во всяком случае пересматривать этого мы сейчас ни в коем случае не можем. Но из факта, совершенно необходимого и обусловленного не волей нашего Ц.К., а чем-то гораздо большим—железной логикой нашей революции,—из этого факта для нас также вытекла одна отрицательная сторона. С того момента, как мы стали единственно легальной партией в стране, как получили «монополию легальности», к нам начали вступать элементы, которые были в рядах социал-демократии и той или другой разновидности мелко-буржуазного социализма.

Товарищи, полбеды, что к нам в партию валят карьеристы, с ними мы еще можем бороться механическими мерами, генеральной чисткой, которая может быть не удалась полностью, а удалась на 50%; с теми, кто входит к нам с корыстной целью—с ними бороться хоть и не так легко, но все же можно. Я имею в виду не это сравнительно еще пустяковое явление. Есть другой явление. С того момента, как мы являемся монополистами на арене политической борьбы, с этого момента к нам полусознательно, а частью и совсем бессознательно, валит такой элемент, который в другое время был бы у меньшевиков и эс-эров. Это явление совершенно стихийное, которое было неизбежно в определенный промежуток времени и, может быть, еще некоторое время будет неизбежным.

В самом деле, присмотритесь к жизни так, как она есть: молодой крестьянин, прошедший через Красную армию, побывавший в городе, или молодой мелкий обыватель—городской мещанин, деклассированный рабочий, воспринявший все худшее, что есть у мелкой буржуазии,—все эти элементы, по своему активно желающие участвовать в политической жизни, натыкаются на барьер, который называется Р.К.П. Они видят на каждом шагу, что не могут участвовать в хозяйственной жизни, не имея того или другого отношения к Р.К.П., и они начинают сначала одной ногой, а потом и обеими входить в партию; им кажется, что они коммунисты. Явление это массовое, стихийное; его нужно иметь постоянно в виду. До тех пор, пока мы являемся «монополистами» легальности в нашей стране, а это явление будет продолжаться еще ряд лет, к нам будут проникать не то, чтобы злонамеренно, не то, чтобы с какими-нибудь грубыми эгоистическими целями, а просто наиболее активная часть населения, которая хочет участвовать в хозяйственной жизни и в хозяйственном строительстве. Они волей-неволей будут проникать в наши ряды, хотя при других условиях они были бы вовсе не в коммунистической партии. Этот элемент у нас есть и изгнать его из нашей партии очень трудно; его прежде всего трудно найти, ибо это незлонамеренные люди, это люди, которые самих себя не познали. Элемент этот в нашей партии и создает часто такую картину, что будто бы у нас две партии в одной. Эту трудность нам надо также ясно видеть. Выводы, которые из этого делают некоторые нетерпеливые товарищи, никуда не годятся. Факты они указывают правильно. Верно то, что в силу нашей «монополии легальности» к нам проникает совершенно стихийно, непроизвольно такой элемент, который при другой обстановке не был

бы в партии большевиков, а был бы в партии эс-эров.

Верно то, что это разжижает партию и ставит ее даже перед опасностью перерождения. Рецепт предлагается такой: дайте свободу печати меньшевикам и эс-эрам, проводя свободную конкуренцию, Нэп и в этой области. Вывод ни к чорту не годится; вывод этот повалил бы рабочую партию и ввел бы Россию в контр-революцию. Вот почему это явление мы должны иметь в виду, когда мы оцениваем всю обстановку партии с ее пестротой; момент этот мы должны учитывать, но мы не должны делать тех неправильных выводов, которые нам предлагают.

Я знаю, что наши слова подхватят наши враги и скажут: «вы сами признали монополию легальности». Да, мы не скрываем тех трудностей, которые стоят перед нами на пути, этих трудностей миллион, мы не боимся о них говорить, мы называем белое белым и черное черным. Рабочая партия, рабочий класс, чтобы победить и доканать буржуазию, должны провести диктатуру. Что при этом на пути есть и будут большие трудности, он это видит и учитывает, но не из-за трудностей он станет прибегать к таким неразумным средствам, которые на деле обозначали бы реставрацию меньшевизма и буржуазного строя вообще. Мне иногда указывали: «но ваш Коминтерн на II Конгрессе сказал, что вы после завоевания власти в рядах Коммунистической партии будете иметь весь рабочий класс целиком»; да, это верно, II Конгресс Коминтерна принял нашу резолюцию о роли Коммунистической партии в пролетарской революции. В ней говорится: «До тех пор, пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз-на-всегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации,—до тех пор Коммунистическая партия по правилу будет иметь

в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время Коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным идейно-политическим влиянием на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно объединить их в своих рядах. Лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как: пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и проч., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех,— в ряды Коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие».

Я утверждаю и сейчас, что этот тезис абсолютно правилен. Когда наша власть окончательно управится с буржуазией, тогда к нам вольются все рабочие. Но если бы мы теперь, на два года позже писали резолюцию, может быть, мы прибавили бы еще: «лишь после того, когда диктатура пролетариата обеспечит ему и хозяйственное возрождение страны». Этот момент надо прибавить, но он заключается и без прибавления во всем, что я прочитал. Таков ход пролетарской революции, который связан с большими негладкостями, но именно такова революция. Сейчас мы находимся у того момента, что, если осуществится эта последняя предпосылка, осуществится хозяйственное возрождение страны, то к нам сразу повалит весь рабочий класс в целом.

Тогда перед нами встанет вопрос о том, как мы должны принимать тех рабочих, которые опять к нам вернулись. Тогда переменится коренное настроение рабочего класса, тогда едва ли можно будет говорить о деклассированности пролетариата, тогда заново встанет проблема социального состава партии, которая стоит сейчас. Вот что я имел в виду вам сказать

относительно нынешнего социального состава нашей партии.

Я должен теперь остановиться на том, какую роль НЭП окажет на нашу партию. Тот же самый меньшевик, которого я вам уже цитировал, пишет: Еще несколько месяцев тому назад коммунисты на вопрос о том, как отразится НЭП на коммунистической партии, только улыбались на такой вопрос и отвечали: «да никак не отразится».

Я затрудняюсь судить, было ли у нас действительно такое настроение. Мне кажется, этого не было, и то, что мы утверждали, что НЭП никак не отразится на нашей партии, неверно... Если кто так утверждал, тот, разумеется, ошибался. Разумеется, никто не может утверждать, что тот громадный переворот, который сейчас имеется, никак не отразится на нашей партии. Безусловно отразится, но при правильной линии со стороны нашей партии и будущего Ц. К. он может отразиться в благоприятном смысле. Он может привести к самоочистке партии и к обновлению состава ее. Ведь это не случайно, что чистка совпала с началом новой экономической политики. Мы чистку решили давненько. Наша оппозиция приписывает себе инициативу чистки, по крайней мере, на Коминтерне она заявила, что эта инициатива принадлежит целиком им, что они предложили чистку, но мы не провели ее и т. д. На самом же деле это не так. Я вам это сейчас докажу с документами в руках. Ни больше, ни меньше, как на VIII съезде нашей партии в 1919 году по докладу раба божия, стоящего перед вами, была вынесена следующая резолюция, в которой говорилось: «необходима серьезная чистка и в советских и в партийных организациях». Это было ни больше, ни меньше, как в 1919 году. Я привел это не к тому, чтобы сказать, кто первый сказал «Э»—Ц. К., а не тов. Шляпников, но к тому, чтобы отметить, что одно

дело говорить про чистку, а другое дело эту чистку произвести. Мы сказали о чистке в 1919 году, а провели ее в 1921 году прежде всего потому, что пан Пилсудский и Врангель не хотели так уважительно относиться к нам, чтобы позволить делать то, что мы хотим. Партия была вынуждена тратить время на чисто боевую работу. Обстановка не позволяла произвести чистку, а как только мы подвели итоги в области внутренней политики, мы принуждены были начать чистку партии и произвели ее. Вот как обстояло дело.

Теперь дальше. Нам должно быть ясно, что НЭП, несомненно, отразится на нашей партии. Мы должны видеть ту пестроту, которую она внесет в наши тезисы.

Как мы говорим в наших тезисах? С одной стороны, мы говорим нашему молодому члену партии: научись торговать, а с другой стороны—покажи лично, что ты представитель того класса, который недавно был угнетен и который сейчас еще экономически является самым задавленным классом. Будь с одной стороны образцом коммунизма, будь с другой стороны образцом делового торговца. Это все создает громадную пестроту в отношениях. Конечно, когда во главе колоссального треста с многомиллионным оборотом становится наш коммунист, когда он окружен людьми другого класса в лице спецов, когда он обречен на сотрудничество с ними (ибо это в интересах нашей республики), когда он девять десятых своего времени должен ухлопывать на чисто промышленные дела, все это, конечно, создает совершенно новые, небывалые психологические трудности. Это создает целый ряд трудных моментов в партии. Наконец, то неравенство, о котором мы так много говорили и для борьбы с которым так мало можно сделать в силу условий обстановки,—все это создает чрезвычайно своеобразный причудливый мозаический переплет, при котором, конечно, НЭП создаст нам массу труд-

ностей и внутренних болячек, с которыми нам не приходилось раньше встречаться.

Конечно, НЭП сильно отразится на нашей партии. Тут правы господа меньшевики, но мы вовсе не прячемся под каким-нибудь дырявым зонтиком от грозы. Мы говорим: НЭП отразится на нашей партии и остро поставит проблему неравенства в партии и создаст кучу всяких других проблем, особенно для товарищей, поставленных у верхушки промышленного строительства. Он создаст много мелких перегруппировок, которые, если во-время не увидать, могут привести к омертвению некоторых частей партийного организма. Он создает для нас огромные трудности, но мы знаем, что путь пролетарской диктатуры не устлан розами и имеет очень много трудностей, которые мы должны преодолеть. Другим партиям, которые будут действовать при лучшей обстановке, будет легче, а нам приходится в этой трудной обстановке брать диктатуру со всеми ее шипами.

Другой вопрос, который ставится перед нами и отчасти ставился уже на нашем съезде,—это вопрос о разграничении партийных и советских аппаратов. Товарищи очень охотно этому внимали, когда разговор шел о политбюро, но я в тот момент прений думал: а как товарищи будут реагировать, когда увидят, что не так просто вопрос стоит, что не только политбюро, но и губкомы и уездные комитеты должны определенно этот вопрос решить. Я уверен, товарищи, что руководители нашей партии, сидящие в этом зале, не будут руководствоваться местническими интересами, они превозмогут все эти мелочи. Понятно, что тем, которые руководят работой и для которых этот вопрос станет конкретным, не так легко согласиться, как тогда, когда речь идет о политбюро. Это вопрос не новый. Он ставился на том же самом восьмом съезде. На том же съезде мы говорили о бо-

лезнях нашей партии, которые тогда были гораздо менее ясны, чем сейчас. Мы говорили: да, рост партии нужен. Но мы всегда сознавали, что замечается перерождение некоторых ячеек нащей партии. Это было сказано в 1919 году. Мы говорили тогда, что партия должна внимательно следить за происходящими изменениями своего состава, что рост партии не должен покупаться ценой ухудшения качественного состава ее, и мы приняли резолюцию, в которой говорили прямо и определенно: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через Советские органы *в рамках Советской Конституции*. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их».

Это было принято в 1919 году. И, однако, товарищи, я не хочу сказать, что этот вопрос разрешается слишком просто. Это не так. Если вы припомните историю 5-ти лет, то вы вспомните, что был такой момент. Сначала все силы устремлялись на Советы; пока мы были в оппозиции, наши лучшие силы были направлены в Советы.

Затем, мы одним натиском прорвали плотину, ворвались в Советы, стали правящим большинством; там осталась наша руководящая часть партии; она стала строить вчерне государство. Затем выявились первые явления бюрократизма, о которых мы стали говорить, и примерно в 1919 году раздался лозунг— «назад в партию». Это интересный момент, который не надо забывать. Было время, когда мы слишком устремились в Советы; партия стала привеском к Советам, в Советах стал заводиться бюрократизм, и мы дали лозунг—«назад в партию!», чтобы партия, как таковая, могла начать бороться с болезненными явле-

ниями Советской власти. Мы достигли известных результатов. Я не хочу сказать, что эта проблема очень проста, что мы разрежем ножом партию отдельно, Совет отдельно и скажем: не вмешивайся. Это не так легко. Когда мы имеем опыт почти 5 лет, когда мы приступаем к работе в условиях, более или менее нормальных, когда Красная армия все же вернула назад значительное количество лучших работников, когда мы должны начать серьезное деловое повседневное строительство государственной жизни, мы должны признать, что совершенное разделение недопустимо, как правильно отметил тов. Троцкий в своем письме по поводу моих тезисов (не знаю, всем ли вам известно), где он говорил, что у нас бывает так, что в губкоме, собравшись для ряда вопросов, мимоходом в полторы минуты разрешают еще между прочим и такой маленький вопрос, как вопрос о семенной кампании или что-нибудь в этом роде. Между тем вопрос о семенной кампании есть крупнейший вопрос, и чтобы его разрешить соответствующим образом, необходимо действительно серьезное знакомство с ним. Мы в области профсоюзов теперь сделали практические выводы из происходившего. Мы точно отвели область работы профсоюзов и сказали: профсоюзы ныне будут профсоюзами. Некоторые товарищи говорят, что надо, пожалуй, дополнение—«а партия будет партией».

В каком смысле партия будет партией? Чем является коммунистическая партия в других странах? Чем были мы до 1917 года? Мы были агитотделом, мы были тем, чем теперь должен быть наш агитпропотдел. Чем мы занимались? Агитировали, пропагандировали, организовывали стачки, в лучшем случае, когда нам очень везло, организовывали восстание. Вот чем была наша партия прежде, вот чем является сейчас партия в других странах.

Можем ли мы теперь в этом смысле сказать: партия будет партией, будет заниматься только агитацией и пропагандой? Это невозможно. Конечно, партия должна заниматься агитацией и пропагандой, конечно, она ни в коем случае не должна мелочным образом вмешиваться в работу наших хозяйственных государственных органов. Вообще мы не можем просто принять такую формулу: пусть партия будет партией. Наша партия есть партия правящая, как изволит выражаться меньшевик, которого я буду дальше еще раз цитировать. Наша партия должна направлять хозяйственную жизнь. Что касается агитпропа, то все мы, конечно, относимся с величайшим уважением к нему, но нельзя сказать, что агитпропагандистская работа составляет у нас теперь $^{9}/_{10}$ всей работы. Так было раньше, но так не может быть теперь. В этом смысле нельзя присоединиться к формуле—партия должна быть партией. Нет, она должна быть правящей партией, партией, направляющей государственную жизнь. А для того, чтобы действительно и хорошо направлять, она должна добиться такого серьезного разделения труда, при котором вопрос о семенной кампании не будет разрешаться в полторы минуты мимоходом.

Она должна себе оградить определенные области и сказать, что мы будем вмешиваться в хозяйственные вопросы постольку, поскольку они имеют принципиальное значение. Мы будем руководить тем, что будем давать туда лучших людей. Мы не будем стараться обезличивать советские органы, как мы это делали,—в чем мы должны, положа руку на сердце, сознаться. Мы все это частенько делали. Это не есть самый целесообразный и экономический способ работы. Самый целесообразный экономный способ работы будет иметь место тогда, когда у нас будет правильное разделение труда, правильное распределение

работников, и я лозунг т. Ленина понял именно в этом смысле. Если Иван не годится, а годится Петр, то надо поставить Петра и Ивана каждого куда нужно. Это можно хорошо иллюстрировать съезду, если мне позволят отвлечься в сторону.

Когда тов. Рязанов сделал свой доклад об академии, мы все слушали его и готовы были ему хлопать. Это было лучшее доказательство того, что Ц. К. был прав, когда он поставил его проводить эту работу, работать именно в той области, где он может наилучшим образом применить свои силы, а не в той области, где у него много разногласий с партией. Здесь дело идет не о каких-нибудь отдельных личностях: все знают величайшее уважение мое и других товарищей к тов. Рязанову—это всем известно; дело идет не о лицах. Пример показал, как важно поставить каждого из нас на то место, где мы можем принести максимум пользы. Но лозунг тов. Ленина не в том, чтобы Ивана или Петра, Зиновьева или Рязанова поставить именно туда-то. Это—полдела, и с этим делом партия сумеет справиться. Самая важная задача заключается в следующем: управляя государством, мы должны ввести такое разделение труда в нашей партии, чтобы не приходилось при помощи резолюции губкомов направлять политику. Личный состав, живые силы нашей партии мы должны распределить таким образом, чтобы они сумели руководить работой. Если в губкоме такие великолепные работники, что хорошо разбираются в хозяйственных вопросах, то надо их поставить в хозяйственные органы. Это будет экономным распределением сил. Тогда нам не придется мимоходом разрешать вопросы. Если бы полтора года тому назад вас приглашали к этому, то это было бы несвоевременно, потому, что мы должны были в то время всех гнать на фронты. Теперь перед нами стоит задача побороть рутину. Теперь мы долж-

ны побороть рутину и действительно произвести такое разграничение и такое разделение наших партийных, советских, хозяйственных сил, чтобы от этого получилось не такое положение, когда все занимаются всем и никто ни за что не ответственен и когда получаются постоянные конфликты на этой почве, но чтобы получилось здоровое разделение труда, которое так необходимо всем нам.

Я хотел, товарищи, с вами поделиться еще некоторыми цифрами. Не пугайтись, товарищи, у меня их много, но я все приводить не буду. Я буду приводить самые основные, те, которые имеют действительно решающее значение и над которыми мы должны задуматься все, те цифры, которые довольно новы для меня, вероятно, будут довольны новы и для всего съезда. По тем данным, которыми мы располагаем, членов нашей партии, вошедших в партию до 1917 года, как бы вы думали, сколько? Только два процента, 98% у нас партийного молодняка.

Ларин (с места.) До октября 17 или до февраля 17 года?

Зиновьев. До февраля 1917 года. Это положение в высшей степени важное, товарищи. Даже меньшевики говорят, что мы живем на дивидент с основного капитала, т.-е. с той основной группы, которую революция выдвинула на первый план. Товарищи, которые работают с 1917 года, уже считаются старыми товарищами. Это, конечно, проблема, наиболее деликатная в нашей партии, и ее нельзя обойти молчанием. Конечно, старые товарищи могут проявить больше такта и не говорить, что я, мол, умею работать, потому что у меня партийная борода с такого-то года.

Это, действительно, часто восстанавливает более молодых партийных товарищей и вполне законно восстанавливает: «Что ты мне тычешь свою бороду в нос». Это создает по всей республике легонькое деле-

ние на более старых и более молодых. Между тем, нельзя не согласиться с меньшевиками, что основной-то капитал, дивидентом с которого мы пользуемся для управления государством, действительно этот. Вся цифра членов партии определяется в 486.000 чел. И тут перед нами второй, опять очень деликатный вопрос относительно членов партии центральной России и членов партии окраин. Я знаю, товарищи, что я задеваю, повторяю, очень деликатный вопрос. Мы должны быть интернацоналистами не только на словах, но и на деле, и мы, разумеется, должны вполне понимать то чувство, которое иному великороссу кажется совершенно непонятным и которое вполне понятно и для коммуниста окраины, где затаптывали национальное чувство, где давили десятилетия. Совершенно несомненно, товарищи, что коммунистический наш состав на окраинах очень молодой. Если, большинство нашей партии по всей России молодо, то на окраинах—это молодняк. Конечно, мы все очень рады знать, что в Туркестане 25.000 членов партии после чистки. Но зная историю Туркестана, зная положение там рабочего класса, мы вполне поймем наших туркестанских товарищей, что там в силу всей истории не могли быть и не может быть такого количества рабочих, какие есть, скажем, в Иваново-Вознесенске, или в Петрограде, или в Москве, или в других действительно крупнейших пролетарских центрах. Эта проблема в высшей степени важна, но ни в коем случае отсюда нельзя делать вывод, что мы будем делить членов партии на козлищ и овец и что допустим хотя бы малейшее в нити того, что получило характерную и меткую кличку колонизаторства; мы ни в коем случае не можем рассматривать членов партии окраин как граждан второго разряда. Мы должны свой интернационализм показать на деле и видеть, что там имеется особенный молодняк, что там необхо-

димо особенно строго относиться к званию членов партии. Там необходима особенно бдительная работа. Не видеть этого ни в коем случае нельзя, и с этой стороны цифры наших окраин в высшей степени поучительны. Мне кажется, что мы должны, как и сказано в наших тезисах, дифференцировать нашу работу. Мы мало знаем нашу партию здесь, и в центре. Мы часто говорим: партию представляет Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск, Нижний, Тула, Донбасс, Харьков. Но партия, какова она сейчас, как она отражает себя на партийных съездах, есть нечто более разнокалиберное и разнообразное.

Партия—это Сибирь с громадным большинством крестьянства, партия—это Туркестан с маленькой кучкой сознательных рабочих, партия—это целый ряд других окраин. Мы должны указать новому Ц. К., что он должен, по крайней мере, 50 процентов своего внимания уделить внутреннему социальному составу нашей партии; мы должны сказать: дифференцируй, смотря в оба. Ты говоришь о партии, но партия не есть нечто однородное. Партия в такой громадной стране, как наша, которая составляет одну шестую часть всего земного шара, есть нечто однородное. Ты все должен дифференцировать по основным типам и районам, и иное воззрение должно быть на Сибирь, иное на Туркестан и иное на Бухару.

Еще несколько цифр о нашей Красной армии. Красная армия дала нам много работников, но Красная армия и удержала много работников. По цифрам, которые я приведу из официального источника и которые в основном подтвердил т. Троцкий, видно, что Красная армия имеет в своих рядах почти 100.000—98.000. Это считая с командными курсами и союзами молодежи. И я должен вам сказать, товарищи, что из этих 100.000 приблизительно 40 процентов рабочих и 60 процентов опять-таки крестьян. Тов. Троцкий

ен X съезде приводил детальные цифры, которые подтверждаются к XI съезду целиком. Мы привыкли думать, что на командных курсах больше рабочих, но оказывается, что на всех командных курсах две трети крестьян, а в командном составе в целом мы имеем около 60 процентов крестьян-коммунистов и около 40 процентов коммунистов-рабочих.

Я думаю, что эта цифра 100 тысяч коммунистов в армии, действительно более или менее правильна. И если бы удалось, в обще-российском масштабе, на основании тщательно обдуманного плана, установить хотя бы суммарное разделение, то я сказал бы, что нужно 100 тысяч в армию, 25—50—в государственном аппарате и 100 тысяч в волостных и уездных организациях, а остальных на фабриках и на заводах. Мне сдается, что эта задача стоит в первую голову.

Мы не произвели должного распределения наших сил. Я не говорю о переброске в узком смысле этого слова. Я говорю о более широком перераспределении наших сил. Это факт, что у нас есть крупные поселки, шахты и т. д., где на 10—12 тысяч рабочих ячейка в 6 человек. При нынешнем положении партии и рессурсах, мы могли бы произвести правильное разделение. В армии пропорция здоровая, может быть можно, чтобы было 120 тысяч, но важно, что эта цифра более или менее правильна, и было бы важно, чтобы нам удалось такой передел совершить по всем остальным отраслям работы. Для этого не необходимо перекидывание из Крыма на Кавказ и т. д., может быть, можно это сделать в губернском масштабе, но это необходимо.

Тов Ларин писал: как может существовать государственная партия, если будет из государственного аппарата брать своих членов и отправлять на фабрики и заводы? Тов. Ларин не прав. Мы государственная

партия, и нам необходимо определенное количество работников в государственном аппарате. Но мы государственная *рабочая,* партия, и нам необходимо определенное количество коммунистов, где есть рабочие. Такой пересмотр возможен, и партия должна его провести.

Я имею цифры относительно состава беспартийных и партийных в исполкомах. Я приведу только одну очень важную цифру, указывающую на то, что с 1920 по 1921 год в 20 с лишним губерниях, взятых более или менее на удачу, процент беспартийных удвоился и местами дошел до 50%. Вам не безызвестно, что я являюсь горячим сторонником того, чтобы было больше беспартийных в нашей работе, но когда я вижу эту цифру, то думаю, что это немножко чересчур. Эту цифру нам надо принять во внимание; надо остаться на старой линии в смысле привлечения беспартийных, но не в таких размерах, которые ставили бы под вопрос самый состав исполкомов. Я опускаю целый ряд других важных данных, потому что на всем не остановиться. (Голоса: Просим.) Я об этом скажу потом. У нас будут прения. Я хотел бы остановиться еще на очень деликатном вопросе, который у меня озаглавлен—группировки, трения и склока». Правда, это не очень парламентское заглавие, но более или менее соответствует тому, что есть. Я говорю не о группировках чисто политических, как рабочая оппозиция и т. д., дело идет о более прозаическом. Я долго колебался, читать ли названия этих организаций или нет (Голоса: Читать, читать!) и решил не читать. Позвольте остаться мне при моем мнении. Я прочту, может быть, позднее, если это понадобится, но я не читаю здесь, потому что это затемнит вопрос, а не потому, что я боялся погладить против шерсти ту или другую организацию, а потому, что начнутся фактические заявления и пр.

Я хочу, чтобы мы вдумались в то, что есть в целом. Мы собрались для того, чтобы видеть картину положения во всей России.

Вот 28 губерний: на 12-е октября 1921 года—1) спокойно, 2) изживает группировку, 3) склока усиливается, 4) склока усиливается, 5) групповая борьба изживается, 6) группировки усиливаются, 7) группировки с перебоями, 8) группировки изживаются, 9) спокойно, 10) групповая борьба, 11) сильно ухудшилось по сравнению с предыдущей партийной конференцией.

Вы видите, товарищи, что наш Ц. К. вынужден был завести целую рубрику по вопросу о группировках. Каковы эти группировки?—Самого различного вида. Тут есть то, что можно было бы грубо назвать более молодые против более старых, уездные против городских, партийные против советских, совнархозовцы против профсоюзцев и наоборот, губпродкомы с совнархозами, и проч. и проч. И чем провинциальнее организация, тем более неприглядный вид это получает; в целом ряде организаций, очень и очень почтенных, это и при отсутствии сколько-нибудь серьезных партийных разногласий приводило к параличу работу. Это стало настоящим бичом и бедствием, потому что каждый в своем углу думает: «Это только у меня так. Перемелется». А собирается в целом, то получается картина, которая заставляет принимать общепартийные меры.

Причина этого—низкий уровень рядового члена нашей партии. Это трудно вымолвить, но это так. Нужно правду сказать, у нас много безграмотных членов партии, громадная бедность и материальное необеспечение, против которых мы должны принять меры. При быстром головокружительном росте нашей партии, от 5 до 500 тысяч, мы не можем хорошо изучить состав нашей партии. Вообще учет и анкета

дают очень мало. Чтобы знать партию, нужно личное знакомство, нужно, чтобы мы хорошо друг друга изучили. Затем—переход к НЭП'у и проч. Все это создало целое бытовое явление в партии, которое значится под заголовком: «группировки». Если мы на X съезде относительно политических фракций приняли решение, которое на 9/10 вошло в жизнь—уничтожить политические фракции и мы их уничтожили (а то, что мы имеем на этом съезде—дело 22-х, то это последнее явление), тем с большим правом мы должны сделать постановление относительно группировок не политического характера, ибо эти группировки парализуют работу в целом ряде местностей. Мы в своих тезисах написали: «против этих группировок надо бороться беспощадными мерами», а Ц. К. для того, чтобы не было сомнений, расшифровал: «вплоть до исключения из партии».

Поэтому это решение надо принимать с полным сознанием того, что это значит, но принять его необходимо.

Я перехожу к последнему вопросу: как мы будем в дальнейшем принимать в нашу партию. Мне кажется, что это один из наиболее важных вопросов нашего съезда. Предложение, которое мы делаем, сводится к тому, чтобы сохранить режим, который был во время чистки. Другими словами, оно сводится к тому, что надо почти закрыть доступ в партию до следующего съезда.

Нужно ли такое решение? Оно встретило некоторое раздражение. Тот же тов. Ларин и некоторые другие писали, что мы превратимся в секту мандаринов. Я понимаю, почему у тов. Ларина рождается такая боязнь. Им руководит совершенно понятное чувство, боязнь, как бы нам не оторваться от масс, от которых мы и без того уже отчасти оторвались. Но нам нужны не эти абстрактные истины—связь с массами и прочее.

Нам надо брать нашу партию так, как она есть, с ее полезными и хорошими сторонами в нынешнем— 1922 году, после партийных недель, после перерегистрации, после чистки, во время НЭП'а и т. д. и посмотреть, действительно ли есть опасность превращения в секту. Я думаю, что вы, товарищи, не укажете мне ни одной партии, которая за 4 года увеличилась бы в 10 раз; такой партии нет и не было. Почему это случилось с нашей партией? Это ясно: в силу прежнего царизма, когда были скованы все силы, накопились громадные потенциальные силы, которые быстро вышли наружу после революции. Мы не можем жаловаться на слишком медленный рост, мы и в настоящее время страдаем от чего-то другого. И мы не поправим дело, если мы прибавим к настоящему количеству членов партии еще несколько тысяч человек. Я сам, товарищи, был сторонник и инициатор организации партийной недели, но мы в партийной неделе не раскаиваемся; они нам дали много; плохое отошло, осталась здоровая часть нового, очень прочного хорошего пролетарского элемента. Но вам надо понять то положение, которое создалось в настоящее время, и принимать соответствующие меры. Нам не надо гнаться за увеличением количества. Возьмем, например, Путиловский завод. Теперь там 60 членов партии. Но если сделаете из 60-ти сто человек, а уровень их останется тот же, то от этого ничего не изменится. До революции на том же Путиловском заводе было 30—40 партийных товарищей, но это были все отборные товарищи, это были энергичные, развитые, это были молодец к молодцу, и каждый беспартийный понимает, что коммунист стоит на целую голову выше, чем другие. Но прибавьте к шестидесяти еще таких же шестьдесят, то от этого дело не поправится ничуть. Сейчас нам нужно добиться другого. Нам нужно добиться, чтобы коммунисты стали головой выше над

всеми, чтобы они выделялись, чтобы, как было раньше, масса понимала, что коммунист—это самый грамотный, самый дальновидный человек. Вот почему в результате роста партии сейчас задача стоит не в том, чтобы увеличивать количество членов, а в том, чтобы засучить рукава и энергично приняться за улучшение качественного состава партии. Нам надо гнаться не за количеством, а за качеством. Мы это замечали еще один—два года тому назад, но это нам не удалось привести в исполнение, потому что была война, потому что все наши силы были отвлечены на другое.

Но сейчас мы резолюциями ограничиваться не будем. Резолюцию написать легко. На X съезде мы хорошо писали о тех мерах, которые необходимо принять, и сейчас мы можем написать очень многое, а потом из них будет проведен только небольшой процент и не по злой воле, как некоторые пытаются изобразить. Товарищи, кто знает нашу работу, тот поймет и знает эти причины. У нас дело бывает так, что мы напишем и наметим известную меру провести в 1919 году, например, чистку партии, а проделали ее только в 1921 году. Вот почему теперь мы можем и должны постановить—с расчетом на успех,—что мы примемся за коммунистическое воспитание полмиллиона человек.

Мы можем теперь покрыть Россию сетью школ. Это можно теперь сделать. Мы можем за год интенсивной работы добиться того, чтобы у нас культурный уровень рядовых членов партии поднялся. Мы знаем тот героизм и самопожертвование, которые проявляли наши рядовые товарищи на местах; они спасли республику и партию, и, конечно, перед этими рядовыми товарищами республика всегда снимает шапку. Но вместе с тем я должен сказать, что эти товарищи, в силу воспитания, не по нашей и не по их вине, а в силу обстановки, находятся в подготовительном

классе, если только в подготовительном, а на самом деле положение еще тяжелее. Оно настолько тяжело, что товарищи не знают азбуки коммунизма. Наша партия и наш съезд перед ними в долгу. И вот этот год, который мы с вами, кажется, имеем шансы посвятить спокойной работе в области хозяйственного и партийного строительства, посвятим его интенсивности в работе, а не тому, чтобы гнаться за количеством членов. Закроем двери, дадим доступ только тем товарищам, которые несут действительно здоровый дух в партию. Запрем их для остальных. И рабочие это поймут. Это не будет постоянно, это будет эпизод жизни великой партии, которая, запертая в царской клетке, имела 5.000 членов, потом сразу 50.000, а потом через 4 года 500.000. Ей необходим такой перерыв на год, в течение которого она может заглянуть во все свои закоулки, принять положение вещей так, как оно есть, помочь рядовым товарищам стать коммунистами. Пусть на Путиловском заводе будет 50 коммунистов, но пусть каждый действительно почувствует, что он может быть настоящим коммунистом. Вот этой работе мы должны посвятить наше внимание. Вот почему Ц. К. вносит решение на этот год принять строжайшее ограничение, ведущее к тому, чтобы почти прекратить, за редкими исключениями для совершенно испытанных товарищей, приток новых членов, чтобы мы могли этот год посвятить только членам нашей партии, тем нашим товарищам, которые не по своей вине стоят в смысле партийной культуры не на такой еще высокой ступени. Это решение надо, конечно, взвесить со всех сторон, чтобы не превратиться в мандарина. Мы, конечно, живем среди массы. Но вместе с тем сейчас состояние партии такое, что на этот шаг нам необходимо пойти. И я думаю, что XI партийному съезду партия скажет великое спасибо, если он это решение примет и его проведет.

В связи с этим я хотел еще остановиться на молодежи, на красноармейцах и на некоторых других отделах работы. У нас принято за последнее время насчет молодежи на словах понимать важность этого дела, но фактически мы ничего не предприняли. Мы забываем, что у нас теперь Красная армия почти вся целиком есть союз молодежи. У меня цифра относительно их мобилизации за 1921 год, на командный состав. Он исчисляется в 21.000 человек. Командный состав, мобилизованный в 1921 году на флот, на командные курсы и т. д. Мы знаем, что по возрасту у нас армия омоложена. Это союз молодежи. И мы предлагаем закрыть двери партии на этот год, тем более, что нам надо обратить внимание на союз молодежи, потому что через союз молодежи и будут входить эти самые кадры. Вот почему мы просим, чтобы наш партийный съезд серьезнейшим образом отнесся к этой проблеме.

Я упомянул о Путиловском заводе, потому что не так давно мне пришлось пережить неприятную вещь: после окончания митинга юноша лет 17-ти с самым мрачным видом говорил со своим соседом, но с явной целью, чтобы я это услышал:

«Эх, ни одного умного человека нет в Советской России», с явным намерением намекнуть, что и ты-то не очень умен. Когда я стал спрашивать, почему такой мрачный, шопенгауэровский, взгляд на жизнь в 17 лет, то оказалось, что это не от Шопенгауэра, а оттого, что «у меня трое безработных дома, я один работник и накормить не могу. А получаю я подчас и в смысле культурном почти что ничего». Фигура этого путиловского юноши,—это не случайность, на это надо обратить внимание. Если у нас действительно 17-летняя молодежь на заводах будет подвержена таким мыслям, это серьезная опасность, гораздо более серьезная, чем та мнимая опасность, которую нам

сигнализируют товарищи, слишком темпераментные, и не совсем ясно понимающие, что в партии происходит.

И на работу среди молодежи мы должны обратить больше внимания, чем до сих пор; мы должны понимать, что это не игра, а серьезнейшее дело. Старое поколение работников измучено, лучшая часть погибла на фронтах, а рабочие-старики, которые не шли в Красную армию, представляют консервативную часть рабочего движения. Ц. К. поручил мне специально подчеркнуть перед нашим партийным съездом, что мы придаем огромное значение тому, чтобы партия смотрела на эту работу не как на роскошь, а как на самое существенное дело.

То же самое я хотел бы сказать и о работе среди женщин. Товарищи заявляют, что у нас только 70 тысяч делегаток на всю Россию, которые представляют в круглых цифрах 3.000.000 работниц. Я очень боюсь всяких круглых цифр, и когда мне говорят: 3.000.000», я думаю, что это не совсем так, что цифра несомненно больше. Но по опыту Петроградскому и Московскому мы должны засвидетельствовать, что товарищи из женотдела проделали громаднейшую работу. Это серьезная работа. Без работниц и без симпатий трудящихся женщин мы не создали бы Красной армии и не продержались у власти. Нам необходимо понять, что эта работа нам необходима: надо, товарищи, дать возможность работу в этом направлении продолжать.

Позвольте, товарищи, обратить ваше внимание на состояние нашей печати. Вы знаете, что наши писатели, профессора говорят: коммунисты выдвинули НЭП, через э оборотное, а мы предлагаем прибавить к нему еще НЕП через е простое, т.-е. независимую печать, а независимую, значит буржуазную. Отдел печати сообщает, что много констатировано случаев,

когда буржуазным дельцам удавалось проводить свою линию в нашей прессе. У нас сеть газет сокращена, и мы вместо 863 имеем только 382 газеты. Тираж ничтожный: полтора миллиона на всю Россию. Попытка учета журналистов дала чрезвычайно удручающий итог: взято на учет 863 журналиста, из них 76% интеллигенции, 16% крестьян и 14% рабочих. Партийный стаж чрезвычайно низкий. После Октябрьской революции в партию вступило из них 66%. И вот они руководят партийной прессой. Наши губкомы обращали на это слишком мало внимания, и о редакторах газет забывали, когда распределяли свои силы. Мы должны обратить на нашу печать самое серьезное внимание. Если секретари губкомов и сами губкомы задумаются над тем, что надо иметь серьезных редакторов и уделят этому должное внимание, то наша печать поднимется безусловно.

Я считаю, что самым важным делом нашего съезда являются не столько чисто деловые предложения, которых много было принято также и на X съезде, но еще не проведено в жизнь, хотя и это безусловно важно,—а больше оглянуться на пути партии, пройденные в целом. Важно присмотреться к тем опасностям, которые есть, и тут позвольте мне еще раз указать, как на это смотрят наши довольно дальновидные враги из лагеря меньшевиков. Автор, который целое исследование посвятил нашей партии, пишет: «Зачем мы так подробно останавливаемся на внутренней жизни большевистской партии? Отнюдь не из уважения к ней и ее теории». (Еще бы, мы это знаем). «Но в той обстановке, которая создалась в последние годы, при отсутствии всякой общественной жизни, в атмосфере апатии и растерянности, при обморочном состоянии всех других партий, организаций,—большевистская партия остается единственной организованной общественной единицей на-

ряду с Красной армией. Поэтому ликвидация большевиков не может произойти тем же путем, каким происходила ликвидация прежних правительств. Она не может произойти путем восстания. Эпоха восстания соответствует эпохе революционного подъема, роста революционных настроений. Период завершения и окончания революции связан с политическими переворотами иного характера: расколами, заговорами, пронунциаменто. В партии есть крестьянские элементы, еще не сложившиеся в особое течение, но очень сильные и крепкие в волостных и уездных органах власти. В ней значительные рабочие группы, начинающие смутно сознавать свои особые интересы в пределах партии—государства. В ней большие интеллигентские группы, отчасти с демократическим устремлением, отчасти великодержавным- в духе «смены вех». В ней, наконец, не мало новобуржуазных элементов, все они уживаются до поры до времени в пределах одной партии. Но когда пробьет их час, они выйдут на свет божий из чрева их общей матери, и взаимная борьба их заполнит собой политическую историю». Этот комплимент от сердца к сердцу, от меньшевика Далина к горе-большевику Шляпникову и Медведеву. Вот надежда меньшевиков. «Из чрева общей матери—партии—выйдут течения, которые заполнят политическую историю наших дней». Автор подсмеивается над нашей чисткой. Он говорит: «Как детски наивны попытки бороться с неумолимыми центробежными силами при помощи «чистки партии»! Какая в этом масса бюрократического самомнения и чудовищного ослепления, присущего, впрочем, всякому победителю. Что дала «чистка партии», задуманная для того, чтобы очиститься от буржуазных элементов? Массу недовольства, исключение правых и левых, честных и бесчестных,—да в придачу дюжину анекдотов,

путешествующих по миру. Нет, такими методами историю не победить». И он продолжает: «Поэтому ликвидация большевизма так сильно затянулась. Но поэтому же ликвидация большевизма может быть только процессом самоликвидации: разложением и распадом Р.К.П.». Это, товарищи, строчки самого ядовитого врага, которые надо помнить.

Правда, этот же автор с год тому назад говорил, что падение большевистской власти наверняка произойдет так: из их же собственных рядов, из рядов Красной армии выйдет какой-нибуд курсант или поручик, такой человек, который станет маленьким Наполеоном. Симпатии к власти настолько отцветут, что Наполеон в один день войдет в Кремль, захватит власть, разгонит Совнарком. Теперь он ставит другой диагноз, рассчитывает на распад нашей партии, на ее внутреннее расслоение, которое приведет к ликвидации. В том, что в партии есть молекулярный процесс, отражающий все происходящее в стране, есть доля правды. Наша партия есть партия—монополист. В силу того, что она одна на арене, в силу этого к нам проталкиваются неизбежно некоторые элементы, которые при другой обстановке были бы в других партиях. Да, у нас есть разнорядность. Крестьянская среда дает опасности. Еще большей опасности дают служащие элементы, нетрудовые элементы, примазавшиеся к нам. Да, громадные трудности стоят на нашем пути. Да, у нас происходит молекулярный процесс, отражающий больше, чем внутрипартийную борьбу, отражающий борьбу классов. Это все возможно при той обстановке, которая есть у нас. Но есть не только субъективное желание, есть исторические данныя, которые убеждают, что все это мы преодолеем. У нас есть основное ядро—пролетариат, который по сути определяет и будет определять политику нашей партии. Надо

закрыть дверь нашей партии для других элементов, надо усилить удельный вес пролетарского элемента. Настоящим ядром, определяющим не на словах, а на деле удельный вес нашей партии, должны быть пролетарии.

Разумеется, мы должны принять все меры, чтобы постепенно провести ту рабочую демократию в нашей партии, которую мы наметили года два тому назад, но которую не провели еще до сих пор, которую надо провести и надо провести не на словах, а на деле. Задача настоящего съезда состоит не только в том, чтобы по этому поводу написать новую резолюцию, сколько в том, чтобы разобраться в переплете обстоятельств. Да, опасности, которые подкарауливают нас, существуют; кто пытается их скрыть, тот—жалкий трус. Мы никогда не скрываем опасностей и трудностей, никогда не набрасываем вуаль на происходящее; в этом сила нашей партии. И сила нашего Ц. К., который вы будете выбирать, будет заключаться в том, чтобы эти опасности каждодневно замечать, не делать прыжков с 5-го этажа, как это хотели сделать товарищи из бывшей рабочей оппозиции,—ломать себе шею не следует, но нельзя вместе с тем впадать в казенный оптимизм и говорить, что все обстоит абсолютно благополучно. Хитросплетение истории таково, что опасность перерождения социальной клеточки есть, об этом мы говорили в 1919 и в 1921 г.г.; особенно при Нэп'е, мы обязаны это повторить с еще большим ударением. Эта опасность есть, но в то же время мы должны помнить, что у нас есть основное ядро партии, определяющее политику, что через Красную армию просачиваются наиболее добросовестные полу-рабочие и полу-крестьянские элементы, что мировое положение таково, что хотя и медленно, но все же неуклонно развивается международная революция. Вот в чем гарантия нашей

победы. Я считаю очень полезным, что мы выслушали заявление Устрялова, которого цитировал т. Ленин, что буржуазия думает:—а у них произойдет перерождение, они друг друга съедят и т. д. Весьма полезно помнить заявление из лагеря прожженных меньшевиков, которое я читал, на которое каждый должен обратить внимание. Эта опасность есть, и мы должны с ней бороться. Мы должны помнить, что у нас партийный молодняк составляет огромное большинство, мы должны поднять его на первую ступень и сделать все возможное, чтобы он учился в 10 раз быстрей, чем в других обычных обстоятельствах и вся политическая борьба поможет этому.

Мы должны помнить об единстве партии. Мы не должны забывать классическую фразу, что и меньшевики ждут, чтобы из чрева общей матери вышли на свет различные группировки, и их взаимная борьба заполнила бы собой всю политическую историю. Вот на что поставила карту международная контр-революция вплоть до 2-го и 2½ Интернационала. Мы говорим, да вы правы, когда говорите об общей матери. Наша партия есть действительно наша общая мать. Мы будем ее беречь, как зеницу ока. И того, кто захочет ее разрушить, кто бы то это ни был, мы больно ударим по рукам. Болезнь партии мы скрывать не собираемся. Мы будем двигаться шаг за шагом, вершок за вершком. Мы знаем, что на нашем пути предстоит еще много трудностей, но мы должны помнить, что для нас нет ничего дороже, чем наша партия; мы не должны забывать, что, несмотря на трудности, которые были на нашем пути за эти 4 года революции, мы вели ее по признанию коммунистов всего мира,—а это лучшее свидетельство,—по правильному пути. По этому пути должен направлять ее и дальше XI съезд.

СОДЕРЖАНИЕ.

1р. 50к

